

Научный журнал по политологии и социологии

Теории и проблемы политических исследований

Том 15, № 6А, 2026.

С. 1-63.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Politics and Sociology

Theories and Problems of Political Studies

June 2026, Volume 15, Issue 6A.

Pages 1-63.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Теории и проблемы политических исследований»

Том 15, № 6А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год. Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Митрохина Татьяна Николаевна, доктор политических наук (5.5.1), профессор, заведующая кафедрой политических наук, *Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова* – главный редактор журнала по направлению «Политология» (5.5).

Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук (5.4.4), профессор, директор *Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук*, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга *Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов *Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова* – главный редактор журнала по направлению «Социологические науки» (5.4).

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук (5.5.1), *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина* – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теоретической и прикладной политической науки. Авторами статей выступают политологи и социологи, работающие в академических институтах и вузах, политики, а также аспиранты и докторанты. В журнале рассматриваются важнейшие проблемы теории и истории политологии, социологии, культуры, массовых коммуникаций на уровне общества (общественной группы), государства и международной системы, а также вопросы методологии политических и социологических исследований, теоретические поиски, новые концепции и проблемы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Теории и проблемы политических исследований» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор по направлению «Политология» (5.5)	Т.Н. Митрохина, доктор политических наук (5.5.1)
Главный редактор по направлению «Социологические науки» (5.4)	Х.В. Дзуцев, доктор социологических наук (5.4.4)
Заместитель главного редактора	Д.Л. Стровский, доктор политических наук (5.5.1)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприяничик, Л.Н. Икитян, О.Г. Лысяк, М.Б. Шишелева
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, И.С. Злобина, М.Б. Шишелева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43673 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5442. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

43047 «Теории и проблемы политических исследований».

Цена договорная. Подписано к печати 15.06.2026. Печ. л. 21,25. Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7400.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Theories and Problems of Political Studies"

June 2026, Volume 15, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, *Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics* (Russia) – editor-in-chief (Political science section).

Dzutsev Khasan Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the *North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research*, Head of the Department of social research and political monitoring, *Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research*, Head of the Department of sociology of political and social processes, *Khetagurov North-Ossetian State University* (Russia) – editor-in-chief (Sociological science section).

Strovskii Dmitrii Leonidovich, Doctor of Political Sciences, *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on theoretical and applied political science. The authors of articles are political scientists and sociologists working in academic institutions, politicians, postgraduate students and PhD candidates. The journal deals with the major problems of the theory and history of political science, sociology, culture, mass communications at the level of society (a social group), a state and an international system, as well as issues of the methodology of political and sociological research, theoretical studies, new concepts and challenges.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Theories and Problems of Political Studies" ("*Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief (Political science section)	T.N. Mitrokhina, Doctor of Political Sciences
Editor-in-chief (Sociological science section)	Kh.V. Dzutsev, Doctor of Sociology
Deputy editor-in-chief	D.L. Strovskii, Doctor of Political Sciences
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, L.N. Ikityan, O.G. Lysyak, M.B. Shisheleva
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, I.S. Zlobina, M.B. Shisheleva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43673 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5442. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

43047 "Theories and Problems of Political Studies".

Contract price. Passed for printing on 15.06.2026. 21.25 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7400.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.4.1. Теория, методология и история социологии

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор Института социологии Российской академии наук.

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Осьмук Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий и реабилитации, Новосибирский государственный технический университет.

Шахматова Надежда Владимировна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

по направлению: 5.4.2. Экономическая социология, 5.4.3. Демография

Лопухин Владимир Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и экономики труда, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

по направлению: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Гуслякова Людмила Герасимовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайский государственный институт культуры.

Дзуцев Хасан Владимирович – главный редактор журнала, доктор социологических наук, профессор, директор Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

по направлению: 5.4.6. Социология культуры

Бармин Николай Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, ректор, заведующий кафедрой теории и практики управления, Нижегородский институт развития образования.

Карпова Галина Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Медиакоммуникации», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

Кононова Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры.

Тисовский Роман Романович – кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса, государственный советник Республики Крым 3-го класса, заместитель начальника Государственного казенного учреждения Республики Крым «Служба автомобильных дорог Республики Крым».

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной политики, Поволжский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.4.7. Социология управления

Ананьева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, проректор, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, член рабочей группы Координационного Совета Общественной палаты РФ по противодействию терроризму, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по науке Академии труда и социальных отношений, заместитель руководителя отделения журналистики Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.5.1. История и теория политики

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Московский педагогический государственный университет.

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека, Гуманитарный университет.

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой общих правовых дисциплин и политологии, Оренбургский государственный университет.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Митрохина Татьяна Николаевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук, Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

по направлению: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ИМО, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, руководитель центра этнополитических исследований, сотрудник Научно-исследовательского Института стратегических исследований, Пятигорский государственный университет.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Васецкий Андрей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, директорат (Санкт-Петербург), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович – доктор политических наук, профессор, сотрудник центра социально-экономических и политических исследований и технологий, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Пеньков Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Пермский филиал).

Слатинов Владимир Борисович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет.

Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

по направлению: 5.5.4. Международные отношения

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Конышев Валерий Николаевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович – доктор политических наук, профессор, ректор, Российский исламский институт.

Савельев Александр Георгиевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, советолог, Университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Редакционная коллегия

Адилова Людмила Фёдоровна – доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Богомяков Владимир Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии, Тюменский государственный университет.

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Стровский Дмитрий Леонидович – заместитель главного редактора журнала, доктор политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, Первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России (отдел антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества).

Editorial Board

Achkasov Valerii Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international politic processes of the faculty of political science, Saint Petersburg State University (Russia).

Anan'eva Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Vice-Rector, Russian State University of Tourism and Service (Russia).

Asonov Nikolai Vasil'evich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology and political sciences, Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Astvatsaturova Maiya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of innovatics, administration and law, Pyatigorsk State Linguistic University (Russia).

Bakhlov Igor' Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of universal history and world political developments, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Baranov Nikolai Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of culturology and global studies of Baltic State Technical University "Voenmekh", Head of the Department of international relations, Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law (Russia).

Barmin Nikolai Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Rector, Head of the Department of theory and practice of management, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia).

Chernyaeva Tat'yana Ivanovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of social communications, Stolypin Volga Region Institute (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Choiropov Tsyren Tsydypovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology and political science, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of sociology and political science, Ulyanovsk State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dzutsev Khasan Vladimirovich – Editor-in-chief, Doctor of Sociology, Professor, Head of the North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research, Head of the Department of social research and political monitoring, Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research, Head of the Department of sociology of political and social processes, Khetagurov North-Ossetian State University (Russia).

Eliseev Sergei Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology of political and social processes, Saint Petersburg State University (Russia).

Gainutdinov Rashid Ibragimovich – Doctor of Political Sciences, chairman of the supervisory board of the Saint Petersburg Institute of Regional Innovation Systems, Professor at the faculty of political sciences, Saint Petersburg State University (Russia).

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political sciences, Voronezh State University (Russia).

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of human rights, Vice-Dean of the law faculty, Humanitarian University (Russia).

Goptareva Irina Borisovna – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political sciences, Professor at the Department of the theory of state and law and constitutional law, Orenburg State University (Russia).

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna – Doctor of Sociology, international master in social work, Head of the Department of social work, Gorno-Altai State University (Russia).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Isaev Boris Akimovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science of the faculty of international communications, Ustinov Baltic State Technical University "Voenmekh", Saint Petersburg (Russia).

Karpova Galina Gennad'evna – Doctor of Sociology, Head of the Department of media communications, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Kononova Tat'yana Mikhailovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of foreign languages, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies (Russia).

Konyshev Valerii Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of theory and history of international relations of the faculty of international relations, Saint Petersburg State University (Russia).

Korkonosenko Sergei Grigor'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of theory of journalistic, Vice-Dean for scientific work of the faculty of journalism, Saint Petersburg State University (Russia).

Lopukhin Vladimir Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of economic theory and labor economics, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology of communicative systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna – Editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

Mukhametshin Rafik Mukhametshovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Rector, Russian Islamic University (Russia).

Os'muk Lyudmila Alekseevna – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Social Technologies and Rehabilitation, Novosibirsk State Technical University (Russia).

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology, Saint Petersburg State University (Russia).

Pen'kov Vladimir Fedorovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Public Relations, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Russia).

Savel'ev Aleksandr Georgievich – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, Russian Academy of Sciences (Russia).

Savinov Leonid Ivanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of social work, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Shakhmatova Nadezhda Vladimirovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of history, theory and applied sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia).

Sharkov Feliks Izosimovich – Doctor of Sociology, Professor, member of the working group of the Coordination Council of the Public Chamber of the Russian Federation on Counteracting Terrorism, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Vice-Rector for Science of the Academy of Labor and Social Relations, deputy head of the department of journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of humanities, National Research University "Higher School of Economics", Perm (Russia).

Slatinov Vladimir Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of state and municipal management, Kursk State University (Russia).

Slin'ko Aleksandr Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international relations and regional studies, Voronezh State University (Russia).

Tisovskii Roman Romanovich – PhD in Sociology, State Counselor of the Russian Federation of the 1st class, State Counselor of the Republic of Crimea of the 3rd class, Deputy Head of the State Treasury Department of the Republic of Crimea "Service of highways of the Republic of Crimea" (Russia).

Vasetskii Andrei Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector and Head of the Institute of Additional Professional Education for Public Servants of North-West Academy of Public Administration (Russia).

Yakovlev Lev Sergeevich – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of sociology and social policy, Povolzhsky Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Zhade Zuriet Anzaurovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the theory of state and law and political science of the law faculty, Adygei State University (Russia).

Advisory Board

Adilova Lyudmila Fedorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (Russia).

Bogomyakov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of political science, Tyumen State University (Russia).

Dagbaev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science and sociology, Buryat State University (Russia).

Strovskii Dmitrii Leonidovich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Содержание

Политические институты, процессы, технологии

Кухаренко Сергей Владимирович Искажение исторической правды о Второй мировой войне в современной Японии	3
Степанов Вячеслав Сергеевич Вызов деглобализации в контексте регионального развития	10
Путильцев Данил Сергеевич Официальные и неофициальные цифровые сообщества российских вузов как агенты политической социализации студенческой молодёжи	18
Фазылов Тагир Альбертович Валитова Ника Эдуардовна Гареев Эдуард Сагидуллович Факторная модель политико-государственных решений в сфере энергетического перехода в современной России	28
Смирнов Олег Аркадьевич Новиков Алексей Валерьевич Слабкая Диана Николаевна Политические аспекты ограничения изоляционных мер в отношении беременных женщин в англо-американской правовой традиции	37
Новиков Алексей Валерьевич Реформирование уголовной юстиции в США: уголовно-исполнительная политика, как объект системной трансформации.....	47

Международные отношения

Карасева Марина Михайловна Роль традиционной культуры и современных креативных индустрий в формировании международного имиджа Японии	57
---	----

Contents

Political institutions, processes, technology

Sergey V. Kukhareenko

Distortion of the Historical Truth about World War II in Modern Japan.....3

Vyacheslav S. Stepanov

The Challenge of Deglobalization in the Context of Regional Development.....10

Danil S. Putil'tsev

Official and Unofficial Digital Communities of Russian Universities as Agents of Political
Socialization of Student Youth18

Tagir A. Fazylov

Nika E. Valitova

Eduard S. Gareev

Factor Model of Political-State Decisions in the Sphere of Energy Transition in Modern Russia28

Oleg A. Smirnov

Aleksey V. Novikov

Diana N. Slabkaya

Political Aspects of Limiting Isolation Measures for Pregnant Women in the Anglo-American
Legal Tradition.....37

Aleksey V. Novikov

Reforming Criminal Justice in the USA: Penal Policy as an Object of Systemic Transformation47

International relationships

Marina M. Karaseva

The Role of Traditional Culture and Modern Creative Industries in the Formation of Japan's
International Image57

УДК 329.17

DOI: 10.34670/AR.2026.64.34.001

Искажение исторической правды о Второй мировой войне в современной Японии

Кухаренко Сергей ВладимировичКандидат философских наук,
начальник учебного отдела,

Институт Конфуция,

Благовещенский государственный педагогический университет,
675000, Российская Федерация, Благовещенск, ул. Ленина, 104;

e-mail: kukharenko_s@mail.ru

Аннотация

В данной статье системным образом рассматривается искажение исторической правды о Второй мировой войне в современной Японии. Рассмотрены военные преступления, совершенные японской армией в годы Второй мировой войны. На основе анализа научной литературы выявлены ключевые нарративы, которые служат системному искажению роли Японии во Второй мировой войне. Автор приходит к выводу, что искажение исторической правды в Японии имеет институциональную основу и поддерживается системой образования, СМИ и политическими практиками. В отличие от Германии Япония отказалась от интеграции негативного опыта в национальную идентичность, вместо этого последовала его вытеснение и маргинализация. Все это препятствует примирению Японии со своими соседями, подрывает их доверие и закрывает путь к достижению устойчивой безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для цитирования в научных исследованиях

Кухаренко С.В. Искажение исторической правды о Второй мировой войне в современной Японии // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 3-9. DOI: 10.34670/AR.2026.64.34.001

Ключевые слова

Историческая правда, военные преступления, Отряд 731, Нанкинская резня, женщины для утешения, станции утешения, проактивный пацифизм, ревизионизм, управление исторической памятью, национальная идентичность.

Введение

Военные преступления японских вооруженных сил (1931–1945 гг.) охватывали значительную территорию Азиатско-Тихоокеанского региона – Китай, Корею, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Малайзию, Индонезию, приграничные районы СССР. Жертвами японской агрессии стали миллионы мирных жителей и военнопленных [Кузнецов, 2024]. Японская армия во время Второй мировой войны продемонстрировала не меньшую жестокость, чем гитлеровская. Однако Германия после поражения во Второй мировой войне признала вину за совершенные военные преступления, чего в полной мере нельзя сказать о Японии [Фокин, 2024].

Наиболее очевидными военными преступлениями японских вооруженных сил являются массовые убийства и насилие над мирным населением. Нанкинская резня, произошедшая в 1937 г. в китайском городе Нанкин, – один из самых известных эпизодов, в ходе которого за шесть недель японские войска уничтожили до 300 000 гражданских лиц в тогдашней столице Китая [Кузнецов, 2024]. Резня сопровождалась массовыми изнасилованиями и мародерством. В Северном Китае для подавления сопротивления японской армией применялась политика «трех всех», означавшая «убивай всех, жги всё, грабь всё» (яп. Санко сакусэн), которая привела к гибели миллионов людей и разрушению тысяч деревень.

Кроме того, уже стало общеизвестным фактом, что японцы во время Второй мировой войны проводили эксперименты над людьми. В 1932 г. императором Хирохито в 20 км. от Харбина был создан «Отряд 731» – секретное подразделение, проводившее бесчеловечные опыты на живых людях. Жертв (китайцев, корейцев, русских, монголов) подвергали вивисекции без наркоза, заражали смертельными болезнями (чумой, сибирской язвой) и испытывали на них действие экстремальных температур [Дамулин, Струценко, 2021]. Япония во время войны также активно использовала отравляющие газы (иприт, люизит) в боях против китайских войск и гражданского населения [Кузнецов, 2019].

Еще одной страницей военных преступлений Японии во Второй мировой войне является сексуальное рабство на оккупированных территориях и принудительный труд [Tanaka, 2002]. На оккупированных Японией территориях вошел в употребление эвфемизм «женщины для утешения», он использовался для обозначения женщин, которые были вынуждены быть сексуальными рабынями для обслуживания солдат и офицеров Императорской армии Японии. Практиковалось принудительное вовлечение десятков тысяч китайок, кореянок, филиппинок и женщин из других оккупированных стран в систему военных борделей, которые японцы называли «станциями утешения» [Васютенко, 2025, Yoshiaki, 2000].

Также Япония в годы Второй мировой войны широко использовала принудительный труд: Массовая мобилизация корейских и китайских рабочих, а также граждан других стран на оккупированных территориях для нужд японской военной промышленности и строительства в нечеловеческих условиях, что приводило к высокой смертности от истощения и болезней [Dugó, Palmer, 2024].

Методика и методы

Теоретико-методологической базой исследования являются социокоммуникативный, политико-информациологический, системный и социально-информациологический подходы. Для достижения поставленной цели исследования были использованы следующие методы

исследования: количественный и качественный анализ, сравнительный анализ, литературный обзор, методы сравнения, обобщения и аналогии, а также гипотетико-дедуктивный метод. В качестве материалов использовались научные статьи, связанные с участием Японии во Второй мировой войне, а также политологические исследования.

Результаты и обсуждение

На основе проведенного анализа академической литературы можно прийти к заключению, современный японский исторический ревизионизм строится на четырех ключевых нарративах, которые служат системному искажению роли Японии во Второй мировой войне.

Первый из этих нарративов — подмена понятия «поражение в войне» эвфемизмом «завершение войны» [Эксперт раскрыл...]. Данная подмена является лингвистической манипуляцией, активно поддерживаемой консервативными японскими СМИ, она имеет глубокий идеологический подтекст. Согласно данному нарративу, если Япония не потерпела поражения, то и говорить о военных преступлениях, ответственности и необходимости покаяния не приходится. Вместе с тем то, что 15 августа 1945 года император Хирохито выступил с радиообращением о капитуляции, а 2 сентября того же года на борту американского линкора «Миссури» Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции является общеизвестным фактом. Как справедливо отмечает генеральный консул КНР в Екатеринбурге Ло Шисюн, «исторический факт поражения Японии во Второй мировой войне неопровержим и не подлежит пересмотру» [Ло Шисюн...].

Второй нарратив — восприятие Японии как «жертвы», а не агрессора. В рамках этого подхода японская внешняя экспансия представляется как «самооборона», а такие события, как Японская интервенция в Маньчжурию (1931 г.) и Нанькинская резня (1937 г.) называются «инцидентами». И преподносятся в качестве «случайных конфликтов», причем нередко ответственность за «первый выстрел» возлагается на китайскую сторону. При этом японская сторона акцентирует внимание на ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, активно культивируя «память о страданиях» и полностью игнорируя причинно-следственную связь: именно отказ Японии принять Потсдамскую декларацию, призывы «сражаться до конца» привели к трагедии.

Третий нарратив связан с так называемым «проактивным пацифизмом». Под этим благовидным предлогом японское правительство на протяжении последних десятилетий последовательно демонтирует послевоенные ограничения на военную деятельность: была отменена норма о трех запретах на экспорт вооружений, снят запрет на коллективную самооборону, а оборонный бюджет планируется увеличить до 2% ВВП.

Четвертый нарратив — «разрыв с историей», в его рамках предполагается, что нынешние и будущие поколения японцев не должны нести бремя ответственности за действия предков и приносить бесконечные извинения.

Искажение исторической правды в Японии не возникает спонтанно — оно имеет институциональную основу и поддерживается системой образования, СМИ и политическими практиками.

Наиболее наглядным свидетельством этого процесса служит анализ японских школьных учебников истории. Сравнительное исследование немецких и японских учебников, проведенное корейскими учеными, выявило четыре ключевых отличия. Во-первых, если германские учебники акцентируют внимание на истории повседневности и жизни простых людей, то японские преимущественно сосредоточены на политической истории и правящих элитах. Во-

вторых, немецкие учебники четко и недвусмысленно описывают военные преступления, указывая виновных и масштабы злодеяний; японские же учебники, напротив, делают акцент на описании атомных бомбардировок, эвакуации детей и налетах союзников, то есть на страданиях японского народа, практически умалчивая о совершенных японской армией преступлениях.

Третье различие касается методологии преподавания: немецкие учебники поощряют дискуссии, предлагают множественные точки зрения, развивают у учеников критическое историческое мышление; японские учебники практически не содержат заданий, требующих обсуждения или анализа противоречивых исторических фактов. Наконец, самое важное отличие — отношение к собственному негативному прошлому: немецкие учебники интегрируют его в национальную историю, подчеркивая коллективную ответственность немецкого народа; японские учебники демонстрируют отказ от признания негативного прошлого.

Параллельно с системой образования действует механизм политической легитимации ревизионизма через посещения храма Ясукуни, где наряду с погибшими японскими солдатами почитаются 14 осужденных военных преступников класса «А». Посещения этого храма японскими премьер-министрами и членами правительства вызывают резкое осуждение со стороны Китая, Южной Кореи, России и других стран, пострадавших от японской агрессии [Чугров, 2020, с. 30-32]. Как подчеркивает официальный представитель МИД России Мария Захарова, такие действия «демонстрируют нежелание взять на себя ответственность за развязанную агрессию и отсутствие искреннего раскаяния» [Захарова ...].

Контраст между послевоенным развитием Германии и Японии разителен и показателен. Германия, потерпевшая поражение во Второй мировой войне, сумела пройти путь глубокого национального покаяния и переосмысления своего прошлого. Этот процесс включал в себя уголовное преследование нацистских преступников, систему репараций, комплексные образовательные реформы и, что самое важное, публичное признание вины высшими должностными лицами государства. Искажение исторической правды в Японии имеет не только моральное, но и практическое геополитическое измерение. Исторические споры между Японией и ее соседями — Китаем и Южной Кореей — напрямую влияют на архитектуру безопасности в Северо-Восточной Азии.

Нерешенные вопросы колониального прошлого ограничивают возможности формирования устойчивых механизмов военно-политической координации между Токио и Сеулом. Даже прагматические соглашения в военной сфере функционируют с перебоями, завися от внешнего посредничества США и внутренней политической динамики обеих стран. Усиление японской военной активности, проводимое под флагом «проактивного пацифизма», способствует дальнейшей политизации исторической памяти в регионе и углубляет противоречия между стратегической необходимостью сотрудничества и сохраняющимся общественным недоверием к Японии.

Показательно, что в условиях обострения конкуренции между США и Китаем исторические нарративы становятся инструментом внешнеполитического воздействия. Китай использует критику японского милитаризма как один из рычагов ограничения углубления американо-японо-корейского взаимодействия. Таким образом, нерешенные исторические проблемы выступают фактором дестабилизации региональной системы безопасности.

Выводы

Анализ искажения исторической правды о Второй мировой войне в современной Японии позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, искажение истории в Японии носит системный характер: оно поддерживается специальными нарративами, институализировано в системе образования, легитимизируется на высшем политическом уровне и транслируется через национальные СМИ.

Во-вторых, японский путь осмысления прошлого принципиально отличается от германского: вместо покаяния и ответственности — самооправдание и забвение; вместо интеграции негативного опыта в национальную идентичность — его вытеснение и маргинализация.

В-третьих, исторический ревизионизм в Японии имеет не только моральные, но и практические геополитические последствия, подрывая региональную безопасность и ограничивая возможности для подлинного примирения в Северо-Восточной Азии.

Международное сообщество должно сохранять бдительность в отношении ревизионистской риторики Японии. Как справедливо отмечается в китайской дипломатической риторике, «лишь совместная защита исторической правды способна сохранить справедливость и правосудие». Пока Япония продолжает переписывать учебники, посещать храм Ясукуни и переименовывать поражение в «завершение войны», груз нераскаянного прошлого будет тяжким бременем лежать на ее отношениях с соседями и на всем международном порядке в Северо-Восточной Азии.

Библиография

1. Васютенко, В. Ю. Суд по делу "станций утешения": продолжение Токийского и Хабаровского процессов / В. Ю. Васютенко // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 20 марта 2025 года. – Иркутск : Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. – С. 11–16. – EDN HTVDZZ.
2. Дамулин, И. В. Негуманная медицина: разработка и использование биологического оружия императорской Японией во время Второй мировой войны / И. В. Дамулин, А. А. Струценко // Российский медицинский журнал. – 2021. – Т. 27, № 5. – С. 517–526. – DOI 10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526.
3. Захарова: РФ призывает Японию признать итоги Второй мировой войны // ТАСС. – 2025. – 30 апреля. – URL: <https://tass.ru/politika/23773381>).
4. Кузнецов, Д. В. Оружие дьявола: разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.) / Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. – 346 с. – ISBN 978-5-8331-0420-0. – EDN VZLJCI.
5. Кузнецов, Д. В. Японские военные преступления до и во время Второй мировой войны и отношение к ним в современной Японии / Д. В. Кузнецов // Метаморфозы истории. – 2024. – № 33. – DOI 10.37490/S241436770031406-6. – EDN OGDVXU.
6. Ло Шисюн: ловушка японского нарратива исторического ревизионизма // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Екатеринбурге. – URL: https://ekaterinburg.china-consulate.gov.cn/rus/zlgxw/202508/t20250827_11696659.htm .
7. Фокин, Я. П. Сравнение нарративов исторической памяти в Японии и ФРГ после Второй мировой войны / Я. П. Фокин // Ежегодник Японии. – 2024. – Т. 53. – С. 405–430. – DOI 10.55105/2687-1440-2024-53-405-430. – EDN BNOFIB.
8. Чугров, С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 22–45. – DOI 10.17976/jpps/2020.05.03. – EDN LNSWQT.
9. Эксперт раскрыл, почему Япония боится признать поражение Китаю // Ura.ru. – URL: <https://ura.news/news/1052989116> .
10. Duró, Á. Japan's Forgotten Korean Forced Laborers: The Search for Hidden Wartime Graves in Hokkaido / Á. Duró, D. Palmer // International Labor and Working-Class History. – 2024. – Vol. 106. – P. 311–330. – DOI 10.1017/S0147547924000048.
11. Tanaka, Y. Japan's Comfort Women: Sexual Slavery and Prostitution During World War II and the U.S. Occupation / Y. Tanaka. – London : Routledge, 2002. – 214 p. – ISBN 978-0415194013.
12. Yoshiaki, Y. Comfort Women: Sexual Slavery in the Japanese Military During World War II / Y. Yoshiaki ; translated by S. O'Brien. – New York : Columbia University Press, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0231120333.

Distortion of the Historical Truth about World War II in Modern Japan

Sergey V. Kukharenko

PhD in Philosophy,
Head of the Academic Department,
Confucius Institute,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
675000, 104, Lenina str., Blagoveshchensk, Russian Federation;
e-mail: kukharenko_s@mail.ru

Abstract

This article systematically examines the distortion of the historical truth about World War II in modern Japan. War crimes committed by the Japanese army during World War II are considered. Based on the analysis of scientific literature, key narratives are identified that serve the systematic distortion of Japan's role in World War II. The author concludes that the distortion of historical truth in Japan has an institutional basis and is supported by the education system, the media, and political practices. Unlike Germany, Japan refused to integrate the negative experience into national identity, instead pursuing its repression and marginalization. All this hinders Japan's reconciliation with its neighbors, undermines their trust, and closes the path to achieving sustainable security in the Asia-Pacific region.

For citation

Kukharenko S.V. (2026) Iskazhenie istoricheskoy pravdy o Vtoroy mirovoy voyne v sovremennoy Yaponii [Distortion of the Historical Truth about World War II in Modern Japan]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 3-9. DOI: 10.34670/AR.2026.64.34.001

Keywords

Historical truth, war crimes, Unit 731, Nanjing Massacre, comfort women, comfort stations, proactive pacifism, revisionism, management of historical memory, national identity.

References

1. Damulin, I. V., & Strutsenko, A. A. (2021). Negumannaya meditsina: razrabotka i ispolzovanie biologicheskogo oruzhiya imperatorskoy Yaponiey vo vremya Vtoroy mirovoy voyny [Inhumane Medicine: Development and Use of Biological Weapons by Imperial Japan during World War II]. *Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal*, *27*(5), 517–526. <https://doi.org/10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526>
2. Duró, Á., & Palmer, D. (2024). Japan's Forgotten Korean Forced Laborers: The Search for Hidden Wartime Graves in Hokkaido. *International Labor and Working-Class History*, *106*, 311–330. <https://doi.org/10.1017/S0147547924000048>
3. Expert Reveals Why Japan Fears to Acknowledge Defeat to China. (n.d.). *Ura.ru*. Retrieved June 21, 2026, from <https://ura.news/news/1052989116>
4. Fokin, Ya. P. (2024). Sravnenie narrativov istoricheskoy pamyati v Yaponii i FRG posle Vtoroy mirovoy voyny [A Comparison of Historical Memory Narratives in Japan and the FRG after World War II]. *Ezhegodnik Yaponiya*, *53*, 405–430. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2024-53-405-430>
5. Kuznetsov, D. V. (2019). *Oruzhie dyavola: razrabotka i primeneniye oruzhiya massovogo unichtozheniya vo vremya agressii Yaponii protiv Kitaya (1931–1945 gg.)* [The Devil's Weapon: Development and Use of Weapons of Mass Destruction during Japan's Aggression against China (1931–1945)]. Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Kukharenko S.V.

6. Kuznetsov, D. V. (2024). Yaponskie voennye prestupleniya do i vo vremya Vtoroy mirovoy voyny i otnoshenie k nim v sovremennoy Yaponii [Japanese War Crimes before and during World War II and Their Perception in Contemporary Japan]. *Metamorfozy istorii*, (33). <https://doi.org/10.37490/S241436770031406-6>
7. Luo Shixiong: The Trap of the Japanese Narrative of Historical Revisionism. (n.d.). *Consulate General of the People's Republic of China in Yekaterinburg*. Retrieved June 21, 2026, from https://ekaterinburg.china-consulate.gov.cn/rus/zlgxw/202508/t20250827_11696659.htm
8. Tanaka, Y. (2002). *Japan's Comfort Women: Sexual Slavery and Prostitution During World War II and the U.S. Occupation*. Routledge.
9. Vasyutenko, V. Yu. (2025). Sud po delu "stantsiy utesheniya": prodolzhenie Tokiyskogo i Khabarovskogo protsessov [The Trial of the "Comfort Stations" Case: A Continuation of the Tokyo and Khabarovsk Trials]. In *Sovremennyye problemy pravotvorchestva i pravoprimereniya: materialy Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 11–16). All-Russian State University of Justice.
10. Yoshiaki, Y. (2000). *Comfort Women: Sexual Slavery in the Japanese Military During World War II* (S. O'Brien, Trans.). Columbia University Press.
11. Zakharova: Russia Calls on Japan to Acknowledge the Outcomes of World War II. (2025, April 30). TASS. Retrieved June 21, 2026, from <https://tass.ru/politika/23773381>

УДК 339:332.05

DOI: 10.34670/AR.2026.17.15.002

Вызов деглобализации в контексте регионального развития**Степанов Вячеслав Сергеевич**

Аспирант
Воронежский филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafppu@vrn.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние деглобализации на региональное развитие России. Автор показывает, что данная тенденция представляет собой не кратковременное явление, связанное исключительно с санкционным давлением, а долгосрочный процесс, обусловленный глубоким кризисом неолиберальной модели глобализации. Особое внимание уделено воздействию деглобализации на российскую экономику, выражающемуся в усилении протекционизма, изменении структуры внешнеэкономических связей, уходе ряда транснациональных корпораций и разрушении глобальных производственных цепочек. Анализируется опыт отдельных российских регионов, а также выделяются положительные эффекты, связанные с развитием внутреннего рынка, импортозамещением и ростом предпринимательской активности. Отдельно рассматривается интеграция России в новые международные экономические союзы, обладающие значительным экономическим потенциалом и способствующие формированию новых направлений регионального развития. Подчеркивается важность научно-технологического компонента в процессе адаптации регионов к условиям деглобализации, а также необходимость формирования эффективной региональной политики, направленной на включение субъектов РФ в обновляемые мировые производственные цепочки.

Для цитирования в научных исследованиях

Степанов В.С. Вызов деглобализации в контексте регионального развития // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 10-17. DOI: 10.34670/AR.2026.17.15.002

Ключевые слова

Деглобализация, региональное развитие, международная интеграция.

Введение

Для нашей страны остается актуальной проблема неравномерности регионального развития, имеющая критическое значение для экономической безопасности страны. Особенно заметен разрыв между регионами-центрами роста и территориями с ограниченной производственной и инновационной базой. В условиях санкций проблема усиливается из-за нарушения кооперационных цепочек, роста издержек и необходимости ускоренной технологической адаптации регионов.

Представляется, что для более реалистичной оценки этих угроз необходимо понимать, что их причины заключаются не только в санкционных режимах, и даже гипотетическое урегулирование отдельных международных конфликтов не сможет обратить вспять произошедшие изменения. Сегодня мы имеем дело с последствиями глубокого кризиса неолиберальной модели глобализации. Этот кризис влечет за собой коренную трансформацию всей мировой экономики, её базовых институтов и традиционных механизмов взаимодействия, формируя принципиально новую структуру экономических взаимоотношений. Поэтому стратегии адаптации регионов должны выстраиваться как ответ на вызов деглобализации, понимаемой как процесс ослабления глобальных связей, возможно даже распада некоторых пространств интеграции, или же их фрагментации [Новый дипломатический словарь, 2026].

Тезис о том, что период активной глобализации закончился, стал звучать в научном и публицистическом дискурсе относительно недавно, но привлек большое внимание. [Reuters, 2023] Мировой кризис 2008 г., рецессия и 2015 года, Brexit, торговые войны США и КНР, кризис, связанный с пандемией, беспрецедентные санкции в отношении РФ, эскалация палестино-израильского конфликта, война США с Ираном и ситуация в Персидском заливе, – эти события обычно рассматриваются как вехи этого процесса. [Смагулова, Елифанов, 2024] На фоне происходящей трансформации системы международных отношений нарастают геополитические риски, что приводит к тому, что государства все больше переориентируются на внутриблочное сотрудничество, предпринимают протекционистские меры, проводят реиндустриализацию, корректируют миграционную политику, а также стремятся к обеспечению технологического суверенитета и защите своих информационных пространств.

Основная часть

Сам термин «деглобализация» был предложен в 1989 г. У. Белло, сторонником альтернативной модели глобализации. Он считал, что сложившееся к началу XXI в. доминирование транснациональных корпораций, и основных институциональных опор их власти – Всемирного банка, МВФ, ВТО и G7, блокирует мировое развитие, поскольку не способно учитывать интересы разных стран, их ценности, возможности и ограничения. Исследователь выступал за децентрализацию управления мировой экономикой и перестройку сложившаяся модели глобализации. [Уолден, 2026, с.165-166]

Еще один автор, активно обсуждающий проблему – нидерландский экономист Петер ван Бергейк. Он не считает деглобализацию новым явлением: в своей работе «Деглобализация 2.0», он проводил параллель между событиями 1930-х и 2010-х годов. [Peter A.G. van Bergeijk, 2019] Главным фактором деглобализации он считает закат могущества актуального гегемона: в 30-е годы – это Великобритания, в настоящее время – Соединенные Штаты. Отставание гегемона и

одновременное выдвижение государств периферии неизбежно и естественно. Обострение международной конкуренции, диспропорциональное распределение богатства, рост социальной неопределенности в мире, кризис доверия к существующим институтам сотрудничества являются неизбежными спутниками этого процесса.

Схожие оценки тупика неолиберальной глобализации мы видим и в работах отечественных исследователей. В. С. Паньков обращал внимание на то, что G8 как инструмент наднационального регулирования была неэффективна, поскольку действовала в интересах узкого круга стран, что усугубляло имевшийся дисбаланс. [Паньков, 2010] А редактор журнала «Международная экономика» писал о G20 как о «неэффективном второстепенном шоу, не имеющем большого значения». [Smick, 2012]

Попытаемся суммировать проявления деглобализации и определить, какие из них могут оказать воздействие на региональное развитие и потребовать изменений в региональной политике.

Прежде всего, в качестве проявлений деглобализации, оказывающих непосредственное влияние на региональное развитие, можно рассматривать взаимосвязанные факторы протекционизма и санкций. Если говорить о протекционизме в широком понимании: правительства стран во всем мире расширяют арсенал применяемых мер, направленных на регулирование движения капитала, миграций, внешней торговли. Так, О.О.Комолов отмечает, что за период с начала мирового кризиса конца нулевых до пандемии, 75% принимаемых государствами мер в этих областях носили протекционистский характер. [Комолов, 2021] Большая часть этих мер была направлена против КНР, что, тем не менее, не остановило успешную китайскую экспансию. Главным инструментом, ограничивающим Россию, стали санкции, постепенно расширявшиеся с 2014 г. Поскольку в силу исторических обстоятельств именно наша страна выступила как «главный мировой ревизионист», оспоривший гегемонию США, текущий этап деглобализации особенно сильно затрагивает ее. [Шупер, 2024]

Деглобализация проявляется и в том, что транснациональные компании снижают свою зарубежную деятельность. Доклады Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечают снижение индекса транснациональности с 2015г. Среди крупнейших ТНК снижается доля европейских и американских и увеличивается доля азиатских компаний. Также ТНК вместо прямых зарубежных инвестиций они всё чаще прибегают к трансграничному финансированию сервисной составляющей (например, центров клиентской поддержки, технических служб, маркетинговых подразделений). Для выхода на новые рынки международным компаниям сегодня намного важнее наличие квалифицированных специалистов, доступ к энергоресурсам и налоговый режим, а такой фактор как дешевая рабочая сила перестает быть решающим. [Владимирова, 2025]

Для регионов России сегодня гораздо большее значение имеет уход зарубежных компаний, связанный с режимом антироссийских санкций. Причем последствия для различных отраслей и регионов неравномерны: в некоторых отраслях концентрация бизнеса усилилась, в других выросла конкуренция, в отдельных отраслях заметными для потребителя стали последствия ухода компаний, служивших источником отраслевых стандартов, и, конечно же, многие отечественные предприятия потеряли своих оптовых потребителей и удобных поставщиков. [Ведомости, 2023]

Разрушение и переориентация глобальных цепочек создания стоимости в целом характерны для процессов деглобализации, но экстренный характер произошедших в России изменений под

воздействием внешнего шока оказался беспрецедентным. Региональное измерение этого процесса весьма значимо, так как сильнее всех пострадали регионы, в которых иностранные компании были вовлечены в обрабатывающую промышленность, например, в машиностроение (Липецкая, Калужская, Калининградская области), особенно монопрофильные города. [Бобровский, 2025] Там же, где доля иностранных компаний была выше в секторе услуг, замещение ушедших иностранных игроков российскими малыми и средними предприятиями произошло быстрее. Географическая переориентация грузоперевозок и туристических потоков, также стала заметной, что по-разному сказалось на отдельных регионах (положительно – на регионах Северного Кавказа, негативно – на сопредельных с Украиной). Одним из значимых для регионов компенсаторных механизмов от ухода иностранных фирм стала интернет-торговля, – в субъектах федерации, где она была достаточно развита, деловая активность не снизилась. Также лучше справились с последствиями ухода иностранных компаний регионы, где был высокий уровень развития малого и среднего предпринимательства. [Земцов, Михайлов, Барина, 2023]

Современная деглобализация часто характеризуется как процесс девестернизации. [Сапир, 2020] Для российских регионов это означает переориентацию экономических связей. С этим обстоятельством тесно связано еще одно значимое последствие деглобализации – переосмысление региональной интеграции. Происходящие в этой сфере процессы нельзя охарактеризовать как однонаправленные. Исследователи отмечают определенные сложности интеграционных проектов на постсоветском пространстве: несмотря на рост взаимной торговли (стоимостной объем в 2025 году составил 95,1 млрд долларов [ЕАЭС, 2026], по сравнению с 90 млрд долларов в 2023) и других макроэкономических показателей, перед ЕАЭС стоит проблема неравномерности развития. Итоги десятилетнего существования объединения не позволяют однозначно говорить о том, что членство в нем содействует развитию всех входящих государств. [Заволокина, 2025] Также вызов ему бросают геополитические проблемы. [Шашихина, Барабанов, Тучина, 2026]

Но при этом государства, разделяющие идеи альтернативной глобализации, успешно развивают сотрудничество в рамках БРИКС. Неформальное межгосударственное объединение БРИКС+, которое с 2024 г. переживает стадию глобального расширения, сегодня является одним из самых сильных и влиятельных блоков в мире: это определяется его колоссальным совокупным потенциалом. Уже в 2003 аналитики Goldman Sachs предсказали, что в течение следующих 50 лет БРИК займет доминирующее положение в мировой экономике и станет ключевыми игроками на международной арене, а страны G7 (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция и Япония) утратят свое реальное экономическое превосходство. [Wilson, Purushothaman, 2003] Современные расчеты показывают, что рост рабочей силы и обширные возможности для технологического нагнывания увеличат долю БРИКС+ до 45% к 2040 году по сравнению с 21% у экономик «Большой семёрки». [Минэкономразвития РФ]

Итак, если состояние интеграционных процессов, в которые включено то или иное государство, напрямую оказывает влияние на перспективы регионального развития, то применительно к России можно говорить о не до конца реализованном потенциале ЕАЭС и о реализуемом потенциале БРИКС. Оба интеграционных объединения нацелены на развитие межрегионального сотрудничества. Так, Евразийская экономическая комиссия запустила портал по межрегиональному сотрудничеству, призванный повысить информированность о

возможностях и поддерживать возникающие инициативы.[Ажекбаров, Амангельдиев, 2024] БРИКС ориентирована расширение взаимодействия с широким кругом акторов, в том числе бизнесом и гражданским обществом, целенаправленно выстраивается связи на субрегиональном и муниципальном уровнях, например, в Ассоциацию городов и муниципалитетов стран БРИКС+ вошли более 18 тысяч муниципалитетов, общее население которых превышает 2 млрд человек.[Татар-информ, 2024]

Важным проявлением деглобализации является обострение конкуренции на международной арене. Значимым проявлением этой конкуренции является технологическая гонка. По мере развертывания процессов деглобализации в мире наблюдается рост финансирования НИОКР. Упомянутый ранее протекционизм является неизбежным спутником развития технологий, знаменующих переход к новому технологическому укладу. Значимость этого аспекта деглобализации для регионов России достаточно велика. Прежде всего, выгоду для своего развития могут получить регионы со сосредоточением наукоемких производств и образовательных мощностей, способных обеспечить рынок труда высококвалифицированными специалистами. И речь идет не только об информационных технологиях: сегодня ключевыми приоритетами в политике государств, отстаивающих свой суверенитет в условиях деглобализации, являются обеспечение энергетической, продовольственной и технологической самостоятельности. Такие приоритеты дают регионам достаточно широкие возможности для развития.

Заключение

Таким образом, для регионального развития России вызов деглобализации проявляется в виде сокращения и переориентации внешних связей, а также усиления замкнутых и региональных экономических контуров. Деглобализационный сценарий начал реализовываться до того, как Россия столкнулась с беспрецедентными санкциями. По мере обострения геополитической обстановки развивалась институциональная деглобализация: уменьшение открытости капитала и усиление «национального щита» над критическими отраслями. Наконец, с началом СВО акцент был смещен с глобально интегрированной промышленности к локальному, военно-ориентированному производству.

Деглобализация выражается в переходе к диверсифицированной региональной архитектуре связей и снижении зависимости от западных институтов глобального управления. Помимо институционального деглобализация имеет дискурсивный аспект: критика гегемонизма, продвижение многополярности, защиты суверенитета России как государства-цивилизации находят отражение в официальном, экспертном, публицистическом и образовательном дискурсах.

Если же говорить о потенциале регионального развития российских регионов в условиях деглобализации, то существует два основных условия для реализации позитивных сценариев развития. Первое связано с включенностью в новые глобальные цепочки создания стоимости (участие в производстве, подготовке специалистов, логистике для наиболее перспективных отраслей). Вторым же условием является формирование эффективных инструментов региональной политики.

Библиография

1. IMF says fragmentation could cost global economy up to 7% of GDP // Reuters. – January 16, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/markets/imf-says-fragmentation-could-cost-global-economy-up-7-gdp-2023-01-15/> (дата обращения: 12.05.2026)
 2. Peter A.G. van Bergeijk. Deglobalization 2.0: Trade and Openness During the Great Depression and the Great Recession. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 204 p.
 3. Smick David M. Could Globalization Crack Up? // International Economy. – 2012., Vol. 26 (4). – P.8-9 – URL: https://international-economy.com/TIE_F12_FoundersPage.pdf (дата обращения: 12.05.2026)
 4. Wilson D. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 / D. Wilson, R. Purushothaman // Goldman Sachs. Global Economics Paper No: 99. – 01.10.2003. – URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/goldman-sachs-research/brics-dream> (дата обращения: 12.05.2026)
 5. Ажекбаров К.А., Амангельдиев Д.Дж. О развитии межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭС // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2024., Т. 23. № 3. – С. 9-13.
 6. Бобровский Р.О. Влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах Ленинградской и Калужской областей // Региональные исследования. – 2025., №2 (88). – С.94-106
 7. Владимирова И. Г. Тенденции транснационализации деятельности крупнейших компаний мира // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 9. – С. 6067-6086
 8. Деглобализация // Новый дипломатический словарь (Проект Дипломатической академии МГИМО МИД РФ). – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/%D0%B4%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 12.05.2026)
 9. Заволокина Л.И. ЕАЭС 10 лет спустя: цели и достигнутые результаты // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025., № 3 (497). – С. 188-196
 10. Земцов С.П., Михайлов А.А., Барина В.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. – 2023., Т. 18, № 2. – С. 44–79. – URL: <https://repec.ranepa.ru/tnp/ecopol/ep2308.pdf> (дата обращения: 12.05.2026)
 11. Комолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2021., Том 18, № 2 (116). – С.34-47
 12. Мухаметшин: Работа в рамках БРИКС укрепляет межрегиональное сотрудничество // Татар-информ. – 27 августа 2024. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/muxametsin-rabota-v-ramkax-briks-ukreplyaet-mezregionalnoe-sotrudnicestvo-5956757?ysclid=moxamy1nwr112565367> (дата обращения: 12.05.2026)
 13. Паньков В. С. 2020 год – глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. – 2010., № 5. – С.163–176. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248> (дата обращения: 12.05.2026)
 14. Подведены итоги социально-экономического развития стран ЕАЭС в 2025 год // Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. – 27.03.2026. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/podvedeny-itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-eaes-v-2025-godu/> (дата обращения: 12.05.2026)
 15. Сапир Ж. Глобализация на перепутье: мировая экономика на рубеже перемен // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Мнения. – 13.02.2020. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-na-pererupte/?sphrase_id=796192 (дата обращения: 12.05.2026)
 16. Смагулова С.М., Епифанов А.В. Деглобализация мировой экономики: причины и последствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024., № 6-1. – С. 160-166. – URL: <https://vaael.ru/article/view?id=3513> (дата обращения: 12.05.2026)
 17. Уолден Б. Деглобализация: идеи для новой мировой экономики / [пер. с англ. О. Вышегородцевой]. — Екатеринбург: Ультра.Культура, 2026. – 192 с.
 18. ФАС увидела плюсы для конкуренции в уходе зарубежных брендов // Ведомости. – 25 мая 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/25/976755-fas-uvidela-plyusi-dlya-konkurentsii-v-uhode-zarubezhnih-brendov> (дата обращения: 12.05.2026)
 19. Форматы взаимодействия в рамках БРИКС // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (дата обращения: 12.05.2026)
 20. Шашихина Т., Барабанов О., Тучина М. Десятилетие ЕАЭС сквозь призму стратегии – 2025: достижения, вызовы, перспективы // Евразийский диалог. – 2026., №2 (08) – URL: <https://eadialog.com/tpost/b670pfrg1-t-shashihina-o-barabanov-m-tuchina-desya> (дата обращения: 12.05.2026)
 21. Шупер В. Глобализация и деглобализация: воздействие на пространственную организацию // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Мнения. – 26.07.2024. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-i-deglobalizatsiya/> (дата обращения: 12.05.2026)
-

The Challenge of Deglobalization in the Context of Regional Development

Vyacheslav S. Stepanov

Postgraduate Student,
Voronezh Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vrn.ranepa.ru

Abstract

The article examines the impact of deglobalization on the regional development of Russia. The author shows that this trend is not a short-term phenomenon associated exclusively with sanctions pressure, but a long-term process caused by a deep crisis of the neoliberal model of globalization. Particular attention is paid to the impact of deglobalization on the Russian economy, expressed in the strengthening of protectionism, changes in the structure of foreign economic relations, the withdrawal of a number of transnational corporations, and the destruction of global production chains. The experience of individual Russian regions is analyzed, and positive effects associated with the development of the domestic market, import substitution, and the growth of entrepreneurial activity are highlighted. The integration of Russia into new international economic unions, which possess significant economic potential and contribute to the formation of new directions of regional development, is considered separately. The importance of the scientific and technological component in the process of adapting regions to the conditions of deglobalization is emphasized, as well as the need to form an effective regional policy aimed at including the subjects of the Russian Federation in the renewed global production chains.

For citation

Stepanov V.S. (2026) Vyzov deglobalizatsii v kontekste regional'nogo razvitiya [The Challenge of Deglobalization in the Context of Regional Development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 10-17. DOI: 10.34670/AR.2026.17.15.002

Keywords

Deglobalization, regional development, international integration.

References

1. IMF says fragmentation could cost global economy up to 7% of GDP// Reuters. – January 16, 2023. – Available at: <https://www.reuters.com/markets/imf-says-fragmentation-could-cost-global-economy-up-7-gdp-2023-01-15/> (Accessed: 12.05.2026)
2. Peter A.G. van Bergeijk. Deglobalization 2.0: Trade and Openness During the Great Depression and the Great Recession. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 204 p.
3. Smick David M. Could Globalization Crack Up? // International Economy. – 2012., Vol. 26 (4). – P.8-9 – AVAILABLE AT: https://international-economy.com/TIE_F12_FoundersPage.pdf (Accessed: 12.05.2026)
4. Wilson D. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 / D. Wilson, R. Purushothaman // Goldman Sachs. Global Economics Paper No: 99. – 01.10.2003. – Available at: <https://www.goldmansachs.com/insights/goldman-sachs-research/brics-dream> (Accessed: 12.05.2026)
5. Azhekbayev K.A., Amangeldiev D.J. (2024) On the development of interregional cooperation within the EAEU.

Stepanov V.S.

- Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. Vol. 23. No 3. P. 9-13.
6. Bobrovsky R.O. (2025) The impact of the reduction in the activities of foreign industrial companies on the socio-economic situation in the municipalities of the Leningrad and Kaluga regions. *Regional studies*. No2 (88). P.94-106
 7. Vladimirova I. G. (2025) Trends in the transnationalization of the activities of the world's largest companies. *Economics, Entrepreneurship and Law*. Vol. 15, No 9. P. 6067-6086
 8. Deglobalization. *New Diplomatic Dictionary* (Project of the Diplomatic Academy of MGIMO-University of the Russian Federation). – Available at: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/%D0%B4%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (Accessed: 12.05.2026)
 9. Zavolokina L.I. (2025) The EAEU 10 years later: goals and results achieved. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No3 (497). P. 188-196
 10. Zemtsov S.P., Mikhailov A.A., Barinova V.A. (2023) Sanctions, withdrawal of foreign companies and business activity in the regions of Russia. *Economic policy*. Vol. 18, No 2. P. 44–79. – Available at: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/ep2308.pdf> (Accessed: 12.05.2026)
 11. Komolov O. O. (2021) Deglobalization: New Trends and Challenges to the Global Economy. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. Vol 18, No 2 (116). P.34-47
 12. Mukhametshin: Working within the BRICS framework strengthens interregional cooperation. *Tatar-inform*. August 27, 2024. Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/muxametsin-rabota-v-ramkax-briks-ukreplyaet-mezregionalnoe-sotrudnichestvo-5956757?ysclid=moxamy1nwr112565367> (Accessed: 12.05.2026)
 13. Pankov V. S. (2010). 2020 – globalization or deglobalization? // *International Affairs*. Vol 5. P.163–176. – Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248> (Accessed: 12.05.2026)
 14. The results of the socio-economic development of the EAEU countries in 2025 have been summarized. *Eurasian Economic Commission*. Official website. 27.03.2026. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/podvedeny-itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-eaes-v-2025-godu/> (Accessed: 12.05.2026)
 15. Sapir J. (2020) Globalization at a Crossroads: The World Economy on the Brink of Change. *Valdai. International Discussion Club. Opinions*. 13.02.2020. Available at: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-na-perepute/?sphrase_id=796192 (Accessed: 12.05.2026)
 16. Smagulova S.M., Epifanov A.V. (2024) Deglobalization of the world economy: causes and consequences. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. Vol. № 6-1. P. 160-166. Available at: <https://vael.ru/article/view?id=3513> (Accessed: 12.05.2026)
 17. Walden B. (2026) Deglobalization: Ideas for a New World Economy. *Ekaterinburg: Ultra-Cultura*.– 192 p.
 18. FAS sees advantages for competition in the departure of foreign brands. *Vedomosti*. May 25, 2023. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/25/976755-fas-uvide-la-plyusi-dlya-konkurentsii-v-uhode-zarubezhnih-brendov> (Accessed: 12.05.2026)
 19. Formats of interaction within BRICS. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (Accessed: 12.05.2026)
 20. Shashikhina T., Barabanov O., Tuchina M. (2026) The EAEU Decade through the Prism of Strategy 2025: Achievements, Challenges, Prospects. *Eurasian Dialogue*. Vol.2 (08). Available at: <https://eadialog.com/tpost/b670pfrgj1-t-shashikhina-o-barabanov-m-tuchina-desya> (Accessed: 12.05.2026)
 21. Shuper V. (2024) Globalization and deglobalization: impact on spatial organization. *Valdai. International Discussion Club. Opinions*. 26.07.2024. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-i-deglobalizatsiya/> (Accessed: 12.05.2026)

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.47.99.003

Официальные и неофициальные цифровые сообщества российских вузов как агенты политической социализации студенческой молодёжи

Путильцев Данил Сергеевич

Аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: putiltsev.ds@rggu.ru

Аннотация

В статье сопоставляются официальные и неофициальные цифровые сообщества российских вузов как различные каналы политической социализации студенческой молодёжи. Эмпирическую базу составили 67 331 тематическая публикация 5 503 сообществ 813 вузов в социальной сети «ВКонтакте» за сентябрь 2022 – июнь 2024 года. Установлено, что неофициальные сообщества характеризуются более высокой вовлечённостью аудитории: медианный ER составляет 3,28 % против 2,00 % в официальных сообществах. В 271 из 325 вузов, где представлены оба типа сообществ, средний ER неофициального сегмента выше. Одновременно его символическая повестка сильнее концентрируется на общероссийском уровне и слабее использует университетские сюжеты. Сделан вывод, что горизонтализация цифровой коммуникации повышает интенсивность отклика, но сама по себе не обеспечивает локализацию идентификационного содержания. Для политической социализации значимо согласование институционального содержания с горизонтальными форматами его присвоения студенческой аудиторией.

Для цитирования в научных исследованиях

Путильцев Д.С. Официальные и неофициальные цифровые сообщества российских вузов как агенты политической социализации студенческой молодёжи // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 18-27. DOI: 10.34670/AR.2026.47.99.003

Ключевые слова

Политическая социализация; студенческая молодёжь; цифровые сообщества; высшая школа; социальные медиа; гражданская идентичность.

Введение

Цифровая среда стала устойчивой частью университетской повседневности. Через сообщества вузов студенты получают информацию об учебной и внеучебной жизни, реагируют на символическое содержание, обсуждают события и воспроизводят значимые для университетского сообщества сюжеты. Для политической социализации это обстоятельство существенно по двум причинам. Во-первых, вуз выступает не только образовательной организацией, но и институтом, в котором продолжается усвоение политически значимых норм, ценностей и моделей самоотнесения. Во-вторых, цифровая коммуникация размывает границу между институционально организованным воздействием и горизонтальным взаимодействием студентов: рядом с официальными каналами существуют сообщества, не имеющие официального статуса, но включённые в ту же информационную экосистему.

Классические модели политической социализации сосредоточены на институтах и агентах воспроизводства политически значимых норм [Шестопал, 2022; Easton, Dennis, 1969]. Применительно к высшей школе исследованы университетская среда, каналы политической коммуникации студенчества и молодёжная политика [Миронова, 2025; Ильинский, 2001; Ростовская, Князькова, 2020]. Цифровая среда усложняет эту схему: рядом с официальным каналом, действующим от имени университета, существуют неофициальные сообщества, где коммуникация организована менее формально и потенциально более горизонтально.

Анализ цифровых следов уже применяется для изучения политических процессов, гражданской активности и формирования идентичности молодёжи [Бродовская, Домбровская, Карзубов, Синяков, 2017; Домбровская, Синяков, 2021; Гигаури, Гуторов, Ширинянц, 2019; Lazer et al., 2009; Salganik, 2018]. Однако официальные и неофициальные сегменты университетской коммуникации редко сопоставляются напрямую. Неясно, означает ли более горизонтальный канал одновременно более высокий отклик и более близкое студенту идентификационное содержание.

Цель статьи – выявить различия официальных и неофициальных цифровых сообществ российских вузов как каналов политической социализации студенческой молодёжи по двум параметрам: структуре символического содержания и интенсивности отклика аудитории. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: сопровождается ли более горизонтальный статус сообщества одновременно ростом вовлечённости и смещением символической повестки к университетскому и региональному уровням, то есть к принадлежностям, непосредственно связанным с повседневным опытом студента?

Исходное предположение состоит из двух частей. Первая предполагает, что неофициальные сообщества, будучи менее формализованным каналом, должны получать более высокий отклик аудитории. Вторая носит проверочный характер: если горизонтальная коммуникация действительно связана с более близким социальным опытом, в ней можно ожидать большей доли университетских и региональных сюжетов. Сопоставление этих двух измерений позволяет не сводить политическую социализацию к показателям вовлечённости и отдельно оценить содержание идентификационного предложения.

Теоретическая рамка: от института к цифровой экосистеме агентов

Политическая социализация понимается в статье как процесс усвоения политически значимых знаний, норм, ценностей и моделей поведения, через который индивид включается в

политическое сообщество. Для студенческой молодёжи университет относится к числу вторичных институтов социализации: он работает с уже сформированными установками, но способен их переосмысливать через образовательную среду, профессиональную идентичность, внеучебную деятельность и коммуникацию [Шестопал, 2022; Easton, Dennis, 1969]. В отличие от семьи или ближайшего окружения университет располагает формализованной инфраструктурой и устойчивыми каналами воздействия, однако это не означает, что вся социализация внутри него носит вертикальный характер.

Различение молодёжи как объекта и субъекта политики [Ильинский, 2001; Ростовская, Князькова, 2020] позволяет описать два режима цифровой коммуникации. Официальное сообщество представляет университет как институционального коммуникатора. Неофициальное не следует автоматически считать автономной студенческой инициативой: исходная классификация не раскрывает степень административного участия. Однако такой статус позволяет рассматривать сегмент как потенциально более горизонтальный канал, где формальная связь сообщения с администрацией слабее.

Политическая социализация предполагает не только передачу, но и присвоение содержания. В групповых взаимодействиях значимы источник нормы и референтная группа [Hogg, Abrams, 1988]. Поэтому более высокий отклик на неофициальный канал может указывать на коммуникативную близость, но не показывает, какие уровни идентификации он актуализирует.

Для анализа содержания используется трёхуровневая логика, разработанная в рамках исследования механизмов укрепления общероссийской гражданской идентичности. Общероссийский уровень включает государственные символы, общенациональные исторические сюжеты и фигуры. Региональный связан с символами субъекта Федерации, региональной памятью и выдающимися земляками. Университетский включает историю вуза, его героев, научные школы, корпоративные атрибуты и представления о престижности образования. Такое разделение опирается на представление о многоуровневости политической идентичности [Семенов, 2017] и позволяет проверить, в какой мере цифровая коммуникация работает не только с общенациональным, но и с ближними для студента принадлежностями.

Символическая политика рассматривает публичную коммуникацию как производство и закрепление способов интерпретации социальной реальности [Малинова, 2012]. Рутинные медийные напоминания способны поддерживать принадлежность к политическому сообществу [Goode, 2020; Billig, 1995], но связь репрезентации и идентичности не является прямой [Slavtcheva-Petkova, 2014]. Поэтому цифровой отклик далее трактуется как характеристика коммуникации, а не как измерение изменения идентичности.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составил полный корпус тематического мониторинга цифровых следов сообществ российских вузов в социальной сети «ВКонтакте». Корпус включает 67 331 публикацию 5 503 сообществ 813 вузов из 181 города за период с сентября 2022 по июнь 2024 года. В исходных данных для каждой публикации зафиксированы тематическая категория, подкатегория, тип сообщества, университет, регион, дата, число просмотров, лайков, репостов и комментариев, а также рассчитанный на уровне публикации показатель ER. Тип сообщества использован в том виде, в каком он задан в исходном корпусе: «официальное сообщество» и «неофициальное сообщество». Дополнительных предположений о фактическом владельце или степени административного контроля над конкретным пабликом не вводилось.

В массиве представлены 3 884 официальных и 1 619 неофициальных сообществ. Официальные сообщества обнаружены у 791 вуза, неофициальные – у 347. Для 325 вузов доступны оба типа, что создаёт возможность дополнительного парного сравнения внутри одних и тех же университетов. Ещё 466 вузов представлены только официальными сообществами, 22 – только неофициальными. По объёму публикаций официальный сегмент существенно больше: 56 128 постов против 11 203 в неофициальном.

Таблица 1 - Структура цифрового корпуса по типу сообщества

Показатель	Официальные сообщества	Неофициальные сообщества
Число сообществ	3 884	1 619
Число вузов, где представлен тип	791	347
Число публикаций	56 128	11 203
Лайки	2 359 975	292 513
Репосты	228 558	28 378
Комментарии	58 588	9 254
Просмотры	129 297 265	11 173 067

Источник: расчёты автора по полному массиву тематического мониторинга цифровых следов российских вузов

Девять исходных тематических категорий были перекодированы в три аналитических уровня. К общероссийскому уровню отнесены «Символы Российской Федерации», «Исторические личности», «Атрибуты общероссийской гражданской идентичности» и «Современные герои России»; к университетскому – «Герои вузов», «Атрибуты идентичности вузов» и «Атрибуты престижности образования в вузе»; к региональному – «Атрибуты региональной идентичности» и «Герои регионального уровня». Такая перекодировка необходима, поскольку техническое поле уровня в исходной системе объединяло часть региональных и университетских категорий и не совпадало с трёхуровневой теоретической моделью.

Интенсивность отклика оценивалась по ER публикации. В исходном массиве показатель соответствует отношению суммы лайков, репостов и комментариев к просмотрам, выраженному в процентах. Для описания использованы среднее и медиана ER; медиана особенно важна из-за асимметричного распределения показателя. Различия между независимыми массивами официальных и неофициальных публикаций проверялись критерием Манна – Уитни. Для 325 вузов, где присутствовали оба типа сообществ, дополнительно рассчитаны средние ER по каждому типу внутри вуза и применён критерий знаковых рангов Уилкоксона. Связь между типом сообщества и уровнем символического содержания оценивалась критерием χ^2 Пирсона и коэффициентом V Крамера.

Цифровые следы фиксируют публичное содержание и реакцию на него, но не измеряют изменение политических установок. Неофициальный статус также не доказывает независимость сообщества, а ER зависит от аудитории и типа контента. Поэтому выявленные связи трактуются как различия коммуникативных режимов, а не как причинные эффекты.

Результаты

Неофициальный сегмент меньше по объёму, но обладает самостоятельным институциональным охватом. Первое различие связано с самой конфигурацией университетской цифровой среды. Официальные сообщества охватывают почти весь массив вузов – 791 из 813, тогда как неофициальные зафиксированы у 347. Однако их присутствие

нельзя считать маргинальным: более чем в двух пятых обследованных университетов существует по крайней мере одно неофициальное сообщество, вошедшее в тематический корпус. В 325 вузах оба типа действуют одновременно. Это означает, что для значительной части университетов цифровая коммуникация представляет собой не единый институциональный канал, а экосистему, в которой официальные и неофициальные источники сосуществуют и конкурируют за внимание студентов.

Официальные сообщества составляют 70,6 % пабликов корпуса, но создают 83,4 % публикаций; на неофициальные приходится 29,4 и 16,6 % соответственно. Институциональный канал, таким образом, интенсивнее производит тематический контент, однако объём сам по себе не характеризует отклик аудитории.

Структура символической повестки: горизонтальность не ведёт к локализации содержания. Сопоставление тематической структуры даёт результат, противоречащий простому ожиданию о большей «локальности» неофициальной коммуникации. В обоих сегментах абсолютное большинство публикаций относится к общероссийскому уровню, но в неофициальных сообществах его доля ещё выше – 95,6 % против 92,4 % в официальных. Университетский уровень, напротив, в официальных сообществах представлен почти вдвое чаще: 5,7 % против 3,1 %. Региональный уровень остаётся малым в обоих сегментах – 1,9 и 1,4 % соответственно.

Таблица 2 - Распределение публикаций по уровням символического содержания и типам сообществ

Уровень	Официальные: постов	Официальные: %	Неофициальные: постов	Неофициальные: %
Общероссийский	51 869	92,4	10 708	95,6
Региональный	1 045	1,9	152	1,4
Университетский	3 214	5,7	343	3,1
Всего	56 128	100,0	11 203	100,0

Связь между типом сообщества и уровнем содержания: $\chi^2(2) = 149,00$; $p < 0,001$; V Крамера = 0,047. Эффект статистически значим, но мал по величине

Связь между типом сообщества и уровнем содержания статистически значима, но размер эффекта мал. Общероссийская повестка доминирует в обоих сегментах; важно, что неофициальность сопровождается не усилением, а снижением доли университетского уровня.

Дополнительная проверка на 325 вузах, где присутствуют оба типа сообществ, позволяет уменьшить влияние институциональных различий между университетами. Если сравнивать долю общероссийского содержания внутри каждого вуза, она выше в неофициальном сегменте у 236 университетов и выше в официальном у 62; ещё в 27 случаях доли совпадают. Средняя по вузам доля общероссийского уровня составляет 95,4 % в неофициальных и 92,2 % в официальных сообществах. Для университетского уровня наблюдается противоположная картина: его доля выше в официальном сегменте у 237 вузов и выше в неофициальном только у 51. Таким образом, различие сохраняется и при внутривузовом сравнении.

Неофициальные сообщества сильнее концентрируются на государственных символах: 43,6 % их тематического массива против 37,2 % в официальном. Доля «Героев вузов» в официальном сегменте, напротив, составляет 4,9 % против 2,6 %. Вероятно, институциональный канал лучше сохраняет специфически университетское содержание благодаря доступу к истории вуза, выпускникам и научным школам, тогда как неофициальный легче воспроизводит уже циркулирующие общенациональные сюжеты.

Вовлечённость аудитории: устойчивое преимущество неофициальных сообществ. По показателям отклика картина меняется. Средний ER публикации в неофициальных сообществах составляет 4,02 %, в официальных – 2,50 %. Медианные значения равны соответственно 3,28 и 2,00 %. Различие статистически значимо по критерию Манна – Уитни ($U = 413\,282\,031$; $p < 0,001$); рангово-бисериальная корреляция составляет 0,323, что указывает на содержательно заметное преимущество неофициального сегмента, а не только на эффект большого объёма выборки.

Взвешенный по просмотрам показатель даёт то же направление. На 100 просмотров публикаций неофициальных сообществ приходится в среднем по всему массиву около 2,95 реакции, официальных – 2,05. При этом абсолютное число реакций в официальном сегменте, разумеется, значительно выше из-за почти двенадцатикратного преимущества по просмотрам. Поэтому для сравнения коммуникативной интенсивности принципиальны относительные, а не абсолютные показатели.

Таблица 3 - Вовлечённость аудитории по типу сообщества и уровню символического содержания

Показатель	Официальные сообщества	Неофициальные сообщества
Средний ER, %	2,50	4,02
Медианный ER, %	2,00	3,28
Общероссийский уровень: медианный ER, %	2,00	3,31
Региональный уровень: медианный ER, %	1,83	2,64
Университетский уровень: медианный ER, %	2,12	2,74
Реакции / просмотры по всему массиву, %	2,05	2,95

Различия ER между официальными и неофициальными публикациями значимы в целом и отдельно на каждом из трёх уровней (критерий Манна – Уитни, $p < 0,001$; для регионального уровня $p = 0,00007$)

Особенно важно, что преимущество неофициальных сообществ сохраняется на каждом из трёх уровней содержания. На общероссийском уровне медианный ER составляет 3,31 % против 2,00 %, на региональном – 2,64 % против 1,83 %, на университетском – 2,74 % против 2,12 %. Следовательно, более высокий отклик нельзя объяснить только иной тематической структурой: неофициальный статус связан с большей вовлечённостью и при сопоставимом уровне символического содержания.

Парное сравнение внутри вузов. Наиболее строгую проверку даёт подмассив 325 университетов, где одновременно представлены официальные и неофициальные сообщества. Для каждого такого вуза были рассчитаны средние ER двух сегментов. В 271 университете, то есть в 83,4 % пар, средний ER неофициальных публикаций оказался выше; только в 54 вузах выше показатель официального сегмента. Медиана внутривузовой разницы составляет +1,47 процентного пункта в пользу неофициальных сообществ. Критерий знаковых рангов Уилкоксона подтверждает устойчивость различия ($W = 4\,180$; $p < 0,001$).

Этот результат важен, поскольку частично контролирует различия между университетами по размеру, региону, профилю и общей цифровой активности. Сравниваются не два случайных набора пабликов из разных институциональных сред, а два канала внутри одного и того же вуза. Конечно, он не устраняет различия в размере конкретных аудиторий и алгоритмической видимости публикаций, однако делает маловероятным объяснение общего результата исключительно тем, что неофициальные сообщества сосредоточены в нескольких особенно активных университетах.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют предложить более точную модель цифровой агентности в политической социализации студенческой молодёжи. Официальные и неофициальные сообщества различаются не по принципу «сильный» и «слабый» канал, а по сочетанию двух характеристик. Институциональный сегмент обеспечивает больший объём производства и лучше сохраняет университетскую специфику. Неофициальный сегмент обеспечивает более высокий относительный отклик, но не производит автоматически более локальную символическую повестку. Это различие принципиально для оценки социализирующего потенциала цифровой среды.

Более высокий ER неофициальных сообществ согласуется с ролью горизонтальных связей и референтных групп в социализации [Гигаури, Гуторов, Ширинянц, 2019; Hogg, Abrams, 1988]. Однако цифровые данные не раскрывают механизм эффекта: значение могут иметь язык, темы, аудитория и форматы контента. Поэтому речь идёт о коммуникативном преимуществе, а не о доказанном преимуществе в формировании политических установок.

Второй вывод относится к содержанию. Ожидание, что горизонтальный канал будет естественным образом сильнее работать с университетской идентичностью, не подтверждается. Более того, университетские сюжеты в официальных сообществах представлены почти вдвое большей долей. Этот результат показывает, что близость канала и близость содержания – разные характеристики. Горизонтальная коммуникация может быть интенсивной, но при этом воспроизводить ту же общероссийскую повестку, что и институциональные медиа. С точки зрения политической социализации это означает, что перенос содержания в неофициальный канал сам по себе не создаёт перехода к ближним уровням идентификации.

Результат согласуется с исследованиями повседневного национализма [Goode, 2020; Billig, 1995]. Общенациональные символы легко воспроизводятся благодаря календарю и готовым медийным форматам, тогда как университетская героика и история научных школ требуют доступа к институциональной памяти. Поэтому задача состоит не в замене официального канала неофициальным, а в переводе университетского содержания в формы, пригодные для горизонтального воспроизводства.

Практически это ведёт к двухконтурной модели: официальный канал обеспечивает достоверность и университетскую специфику, горизонтальный – язык аудитории и распространение содержания. Между ними нужен не дубляж, а перевод: материалы о выпускниках, научных школах, региональном вкладе и традициях должны становиться ресурсом самостоятельных студенческих форматов.

ER следует рассматривать как диагностический, а не целевой показатель. Высокая вовлечённость может сочетаться с воспроизводством уже доминирующей общероссийской повестки. Поэтому оценка цифровой политической социализации должна одновременно учитывать реакцию аудитории и структуру идентификационного содержания; перспективным дополнением являются анализ языка публикаций и опросы восприятия источника.

Цифровая агентность не совпадает с организационным статусом. Официальное сообщество является институциональным агентом, тогда как неофициальное занимает промежуточное положение: оно включено в университетскую экосистему, но не обязательно представляет самостоятельную студенческую субъектность. Для доказательства последней нужны данные об администраторах, редакционных практиках и участии студентов в производстве контента.

Ограничения исследования

Исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, корпус охватывает только публикации, вошедшие в тематический контур символов и героики; выводы не распространяются автоматически на весь цифровой контент вузов. Во-вторых, классификация «официальное / неофициальное» заимствована из исходного массива и не раскрывает институциональную историю каждого сообщества. В-третьих, ER является поведенческой метрикой и не измеряет принятие ценностей или изменение идентичности. В-четвёртых, корпус охватывает одну социальную сеть и период с сентября 2022 по июнь 2024 года. Наконец, наблюдательный дизайн не позволяет установить причинное влияние типа сообщества на вовлечённость. Для дальнейшей проверки необходимы сопоставление языковых характеристик публикаций, данные о составе аудитории и экспериментальные или опросные исследования восприятия одного и того же содержания в разных каналах.

Заключение

Сравнение 5 503 официальных и неофициальных цифровых сообществ 813 российских вузов показывает, что политико-социализирующий потенциал цифровой коммуникации нельзя описать одной шкалой от «институциональной» к «горизонтальной». Два режима обладают разными преимуществами. Официальные сообщества производят основную часть тематического содержания и заметно чаще обращаются к университетскому уровню идентификации. Неофициальные сообщества меньше по объёму, но устойчиво превосходят официальный сегмент по относительной вовлечённости аудитории. Это преимущество сохраняется на общероссийском, региональном и университетском уровнях и подтверждается парным сравнением внутри 325 вузов.

При этом повышение вовлечённости не сопровождается локализацией символической повестки. В неофициальных сообществах доля общероссийского содержания достигает 95,6 %, а доля университетского уровня составляет только 3,1 %. Следовательно, горизонтализация канала повышает интенсивность реакции, но сама по себе не перестраивает структуру идентификационного предложения. Для политической социализации студентов это означает необходимость соединять институциональный ресурс производства смыслов с горизонтальными механизмами их присвоения и воспроизводства.

Практический вывод состоит в том, что цифровая политика вуза должна оцениваться одновременно по содержанию и по характеру коммуникации. Университету недостаточно увеличивать число публикаций или передавать готовые сообщения в студенческие паблики. Более перспективной является организация условий, при которых студенческие сообщества получают доступ к содержательным ресурсам университета – его истории, героям, научным школам, профессиональным и региональным сюжетам – и перерабатывают их в собственные форматы. Именно в таком сочетании институционального и горизонтального контуров цифровая среда может выступать полноценным пространством политической социализации, а студенты – не только аудиторией, но и участниками воспроизводства граждански значимых смыслов.

Библиография

1. Шестопа́л Е. Б. Политическая психология: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2022. 312 с.
2. Миронова Т. А. Эффективность каналов политической коммуникации российского студенчества: дис. канд. полит. наук: 5.5.2. М., 2025. 201 с.
3. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 79–104.
4. Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. 2021. № 3. С. 142–160.
5. Гигаури Д. И., Гуторов В. А., Ширинянц А. А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодёжи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 51–58.
6. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.
7. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 155 с.
8. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН; отв. ред. О. Ю. Малинова. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5–16.
9. Семенов И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017.
10. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York: McGraw-Hill, 1969. 440 p.
11. Hogg M. A., Abrams D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Routledge, 1988. 288 p.
12. Lazer D., Pentland A., Adamic L. et al. Computational Social Science // Science. 2009. Vol. 323, № 5915. P. 721–723.
13. Salganik M. J. Bit by Bit: Social Research in the Digital Age. Princeton: Princeton University Press, 2018. 448 p.
14. Goode J. P. Everyday Nationalism in World Politics: Agents, Contexts, and Scale // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 6. P. 974–982.
15. Slavtcheva-Petkova V. Rethinking Banal Nationalism: Banal Americanism, Europeanism and the Missing Link between Identities and Media Representations // International Journal of Communication. 2014. Vol. 8. P. 43–61.
16. Billig M. Banal Nationalism. London: SAGE Publications, 1995. 200 p.

Official and Unofficial Digital Communities of Russian Universities as Agents of Political Socialization of Student Youth

Danil S. Putil'tsev

Postgraduate Student,
Russian State University for the Humanities,
125047, 6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: putiltsev.ds@rggu.ru

Abstract

The article compares official and unofficial digital communities of Russian universities as different channels of political socialization of student youth. The empirical base comprised 67,331 thematic publications from 5,503 communities of 813 universities on the VKontakte social network for September 2022 – June 2024. It has been established that unofficial communities are characterized by higher audience engagement: the median ER is 3.28% versus 2.00% in official communities. In 271 out of 325 universities where both types of communities are represented, the average ER of the unofficial segment is higher. At the same time, its symbolic agenda is more

strongly concentrated on the all-Russian level and makes weaker use of university storylines. It is concluded that the horizontalization of digital communication increases the intensity of response but does not by itself ensure the localization of identification content. For political socialization, the coordination of institutional content with horizontal formats of its appropriation by the student audience is significant.

For citation

Putil'tsev D.S. (2026) Ofitsial'nye i neofitsial'nye tsifrovye soobshchestva rossiyskikh vuzov kak agenty politicheskoy sotsializatsii studencheskoy molodezhi [Official and Unofficial Digital Communities of Russian Universities as Agents of Political Socialization of Student Youth]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 18–27. DOI: 10.34670/AR.2026.47.99.003

Keywords

Political socialization, student youth, digital communities, higher education, social media, civic identity.

References

1. Shestopal E. B. Political Psychology: Textbook. 6th ed., revised and expanded. Moscow: Aspect Press, 2022. 312 p. [In Russian].
2. Mironova T. A. Effectiveness of Political Communication Channels of Russian University Students: Candidate of Political Sciences Dissertation, specialty 5.5.2. Moscow, 2025. 201 p. [In Russian].
3. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of Methodology and Methods for Intellectual Search of Digital Markers of Political Processes in Social Media // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. No. 5 (141). P. 79–104. [In Russian].
4. Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A. V. Opposition Potential of Civic Participation of Russians: Results of Cluster Analysis // *Political Science*. 2021. No. 3. P. 142–160. [In Russian].
5. Gigauri D. I., Gutorov V. A., Shirinyants A. A. YouTube Bloggers as Opinion Leaders of Youth: New Technologies of Identity Formation in Virtual Space // *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2019. No. 3 (60). P. 51–58. [In Russian].
6. Ilyinsky I. M. Youth and Youth Policy: Philosophy, History, Theory. Moscow: Golos, 2001. 696 p. [In Russian].
7. Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. Youth Policy in Contemporary Russia: University Textbook. Moscow: Yurait, 2020. 155 p. [In Russian].
8. Malinova O. Yu. Symbolic Politics: Outlines of the Problem Field // *Symbolic Politics. Issue 1: Constructing Representations of the Past as a Power Resource* / ed. O. Yu. Malinova. Moscow: INION RAS, 2012. P. 5–16. [In Russian].
9. Semenenko I. S. Political Identity in the Context of Identity Politics // *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition* / ed. I. S. Semenenko. Moscow: Ves Mir, 2017. [In Russian].
10. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York: McGraw-Hill, 1969. 440 p.
11. Hogg M. A., Abrams D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Routledge, 1988. 288 p.
12. Lazer D., Pentland A., Adamic L. et al. Computational Social Science // *Science*. 2009. Vol. 323, No. 5915. P. 721–723.
13. Salganik M. J. Bit by Bit: Social Research in the Digital Age. Princeton: Princeton University Press, 2018. 448 p.
14. Goode J. P. Everyday Nationalism in World Politics: Agents, Contexts, and Scale // *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 48, No. 6. P. 974–982.
15. Slavtcheva-Petkova V. Rethinking Banal Nationalism: Banal Americanism, Europeanism and the Missing Link between Identities and Media Representations // *International Journal of Communication*. 2014. Vol. 8. P. 43–61.
16. Billig M. Banal Nationalism. London: SAGE Publications, 1995. 200 p.

УДК 323.2

DOI: 10.34670/AR.2026.26.88.004

Факторная модель политико-государственных решений в сфере энергетического перехода в современной России

Фазылов Тагир Альбертович

Аспирант,
кафедра «Социальные и политические коммуникации»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450062, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 1;
e-mail: nikaga@yandex.ru

Валитова Ника Эдуардовна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры «Социальные и политические коммуникации»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450062, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 1;
e-mail: nikaga@yandex.ru

Гареев Эдуард Сагидуллович

Кандидат философских наук,
профессор кафедры «Социальные и политические коммуникации»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450062, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 1;
e-mail: gareevatb@yandex.ru

Аннотация

Энергетический переход в мировой политике затрагивает коренные интересы государств-экспортеров углеводородов, к числу которых относится Россия; смена документов стратегического планирования в 2021–2025 гг. поставила вопрос о логике государственных решений в этой сфере. Цель работы – построение факторной модели политико-государственных решений в области энергетического перехода в России. Задачи: развести конкурирующие трактовки перехода; определить состав и иерархию факторов; проследить смену их веса после 2022 г. Исследование опирается на теорию принятия политических решений, неоинституциональный и акторный подходы, а также на контент-анализ документов стратегического планирования. Предложена двухуровневая факторная модель, в которой определяющим оказывается распределение веса факторов, тогда как их состав вторичен; показано, что после 2022 г. вес климатического фактора снизился, а суверенно-геополитического и технологического вырос, что закреплено в Энергетической стратегии до 2050 года. Конфигурация факторов воспроизводит суверенно-адаптивный тип политико-государственных решений, отличный от декарбонизационной модели Европейского союза и от догоняющих моделей развивающихся экономик.

Для цитирования в научных исследованиях

Фазылов Т.А., Валитова Н.Э., Гареев Э.С. Факторная модель политико-государственных решений в сфере энергетического перехода в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2026.26.88.004

Ключевые слова

Политико-государственные решения, энергетический переход, энергетический суверенитет, климатическая политика, факторная модель, декарбонизация, Энергетическая стратегия до 2050 года, теория принятия политических решений.

Введение

Мировую энергетику последних двух десятилетий принято описывать через понятие энергетического перехода – сдвига в структуре первичных энергоносителей, а вместе с ним и в способах производства, распределения и потребления энергии. У истоков современной трактовки находится работа В. Смила, где переход предстает процессом инерционным и длительным, растянутым на десятилетия и редко доходящим до полного вытеснения прежних источников [Smil, 2010, P. 105–121]. Там, где бюджетная и экспортная устойчивость государства держится на добыче и вывозе углеводородов, темпы и направление перехода приобретают прямое политическое значение. Россия принадлежит к этой группе стран, и решения ее органов власти в области энергетики складываются под совмещенным давлением нескольких разнородных обстоятельств.

За четыре года, с 2021 по 2025 год, нормативная рамка российской политики в области климата и энергетики сменилась почти целиком. Появились Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [Распоряжение Правительства РФ № 3052-р, 2021] и Федеральный закон об ограничении выбросов парниковых газов [Федеральный закон № 296-ФЗ, 2021]; в 2022 г. стартовал региональный эксперимент по квотированию выбросов [Федеральный закон № 34-ФЗ, 2022]; в октябре 2023 г. обновлена Климатическая доктрина [Указ Президента РФ № 812, 2023]. Перестройку корпуса завершил акт от апреля 2025 г. – Энергетическая стратегия на период до 2050 года [Распоряжение Правительства РФ № 908-р, 2025], пришедшая на смену документу 2020 г. с горизонтом до 2035 года. Обновление всего массива за столь сжатый срок ставит исследовательский вопрос: какая логика стоит за содержанием принимаемых решений, если при формально сохраняемых климатических целях приоритеты заметно сместились к поддержке сырьевого экспорта и технологической самостоятельности.

Научная литература по российскому энергетическому переходу тяготеет к экономическому и отраслевому анализу: в фокусе оказываются издержки декарбонизации, инвестиционные режимы, судьба возобновляемой генерации. Политологический ракурс встречается реже. Отдельные работы описывают нормативно-правовое оформление государственной политики в области альтернативной энергетики [Ишеков, Амбарцумов, 2024], разбирают энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношениях с Европейским союзом (далее – ЕС) [Шуранова, Петрунин, 2022], оценивают санкционное давление на энергетический сектор [Чижевская, 2024]. Геополитический разворот российской внешней политики после 2022 г., включая его

энергетическую составляющую, подробно рассмотрен в исследованиях поворота на Восток [Торкунов, Стрельцов, 2023; Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020]. При обилии отраслевых данных недостает связующей рамки, которая соотнесла бы разрозненные факторы с механизмом принятия решений и прояснила бы их иерархию.

Работа удерживает переход в политологическом измерении, оставляя в стороне его инженерное и рыночное прочтение. Объект исследования – политико-государственные решения (далее – ППР) в сфере энергетического перехода в современной России; предмет – факторы, определяющие содержание таких решений, и их конфигурация. Цель состоит в построении факторной модели ППР. Отсюда три задачи: развести конкурирующие трактовки самого перехода; выделить состав факторов и распределить их по уровням и сферам; проследить, как менялся вес факторов на рубеже 2022 г. Новизна работы двоякая. Во-первых, тема перенесена из экономического регистра в политологический. Во-вторых, факторы описаны как подвижная конфигурация с изменяемым весом; значимым оказывается их распределение, а сам перечень вторичен.

Энергетический переход в конкурирующих трактовках

За единым термином скрываются несовпадающие политические программы. В версии, укоренившейся в институтах Европейского союза, переход тождествен декарбонизации: сокращению нетто-выбросов, вытеснению ископаемого топлива возобновляемой генерацией, нормативному климатическому лидерству. Российское прочтение выстроено иначе. Приоритет отдан адаптации экономики к меняющимся технологическим и ценовым условиям при сохранении опоры на углеводороды и наращивании их глубокой переработки.

Само представление о переходе не оставалось неизменным. Ранние трактовки, идущие от В. Смита, делали упор на смену доминирующего энергоносителя и на медленность подобных сдвигов в истории – от дров к углю, от угля к нефти и газу [Smil, 2010, Р. 8–19]. Позднейшая, климатически нагруженная версия связала переход с целенаправленным вытеснением ископаемого топлива ради сокращения выбросов, добавив к технологическому содержанию нормативно-политическое. Разведение двух смысловых слоев важно для российского случая: отечественная политика опирается на первую, инерционную трактовку и сдержанно относится ко второй, целеполагающей.

Различие проступает и на уровне базовых понятий. Энергетическая безопасность отсылает к доступности ресурсов по приемлемой цене в нужный момент; энергетический суверенитет – к способности государства самостоятельно управлять всей цепочкой от добычи до ценообразования. Для ЕС суверенитет в энергетике сомкнулся с климатической повесткой и технологическим обновлением; для России, особенно на фоне санкционного давления после 2022 г., он понимается как контроль над ресурсной базой, логистикой и сбытом [Чижевская, 2024, с. 86]. Из смысловой развилки становится понятно, почему один и тот же мировой процесс оборачивается в Москве и Брюсселе противоположными управленческими установками.

В российских документах переход сохраняется как ориентир, однако получает иное определение. В Климатической доктрине закреплена цель углеродной нейтральности к 2060 г. и введено понятие переходных рисков – от чужой декарбонизации и от собственного бездействия [Указ Президента РФ № 812, 2023]. В Энергетической стратегии до 2050 года сделан следующий шаг: ускоренный мировой переход к возобновляемым источникам отнесен к стрессовым, маловероятным сценариям, а ископаемое топливо описано как основа глобального

энергоснабжения по меньшей мере до середины века [Распоряжение Правительства РФ № 908-р, 2025]. Формула суверенного перехода складывается из постепенного изменения внутреннего энергобаланса – с ростом доли газа и атомной генерации – при удержании экспортных позиций на новых рынках.

Политико-государственное решение как аналитическая категория

Понятие политико-государственного решения закрепились в отечественной теории принятия политических решений. Государственное управление в ней описывается через подготовку, принятие и реализацию решений, соединяющих политическую волю с административным аппаратом [Дегтярев, 2004, с. 31]. У А.И. Соловьева государство предстает субъектом целеполагания с институциональными и неинституциональными сторонами, а выработка правительственных стратегий разложена на стадии – от постановки проблемы до исполнения [Соловьев, 2024, С. 40]. Прикладная ценность рамки в том, что содержание решения выводится из расстановки участников и обстоятельств, тогда как декларируемые цели остаются лишь одной из его сторон.

Из набора моделей, описанных в теории, к российскому материалу ближе когнитивная модель ограниченной рациональности и инкременталистская схема, чем модель всеобщей рациональности [Дегтярев, 2004, С. 86–101]. Решения в области энергетического перехода складывались приращением, с оглядкой на внешние ограничения и предыдущие шаги, без единого оптимизирующего замысла. Реактивный характер особенно заметен в решениях 2022–2025 гг., когда перестройка экспортной географии шла вслед за санкционными событиями.

Методологическая опора работы троякая. Неоинституциональный подход сосредоточен на формальных правилах и документах стратегического планирования; акторный – на ведомствах и корпорациях, участвующих в выработке курса; контент-анализ стратегических актов служит источником эмпирических наблюдений. Совмещение трех подходов дает основание перейти от перечисления факторов к их упорядочению.

Структура факторной модели

Факторы, влияющие на содержание ПГР в сфере энергетического перехода, удобно разнести по двум уровням – внешнему и внутреннему, – а внутри каждого различить по сфере: климатической, геополитической, рыночной, институциональной, ценностной, технологической. Само по себе перечисление мало что дает: у каждого фактора есть переменный вес, и результирующий тип решения определяется тем, как веса распределены в конкретный момент. Общая архитектура модели показана на рисунке 1.

Внешний контур образуют четыре группы обстоятельств. Глобальная климатическая повестка с ее инструментами – Парижским соглашением [Парижское соглашение, 2015] и трансграничным углеродным регулированием – до недавнего времени задавала внешнюю дисциплину для российской политики. Санкционные ограничения и закрытие доступа к части технологий и оборудования очертили поле возможного в добыче, сжижении газа, производстве энергетического машиностроения. Перенаправление экспортных потоков на восточные рынки вывело на первый план инфраструктуру арктических и дальневосточных портов и сухопутных маршрутов [Торкунов, Стрельцов, 2023, С. 8–12]. Мировая ценовая конъюнктура на углеводороды остается фоновым, но постоянно действующим обстоятельством, от которого зависит наполнение бюджета.

Уровень	Фактор	Вес до 2022 г.	Вес после 2022 г.	Динамика
Внешние	Глобальная климатическая повестка и её инструменты	высокий	низкий	↓
	Санкционные и технологические ограничения	низкий	высокий	↑
	Реконфигурация экспортных рынков (поворот на Восток)	средний	высокий	↑
	Мировая ценовая конъюнктура	средний	средний	→
Внутренние	Сырьевая и бюджетная зависимость от топливно-энергетического комплекса	высокий	высокий	→
	Конфигурация ведомств и корпораций	средний	средний	→
	Ценностный фактор: суверенитет	средний	высокий	↑
	Технологическая самостоятельность; Арктика и Северный морской путь	средний	высокий	↑
↓				
Суверенно-адаптивный тип политико-государственных решений				

Условные обозначения: ↑ – усиление веса фактора после 2022 г.; → – устойчивый вес; ↓ – снижение веса.

Рисунок 1 – Факторная модель политико-государственных решений в сфере энергетического перехода в России

Внутренний контур сложнее по составу. Сырьевая и бюджетная зависимость от топливно-энергетического комплекса – структурная константа, задающая пределы любых решений: при высокой доле нефтегазовых поступлений в доходах бюджета сохраняется чувствительность власти к судьбе экспорта. В конфигурации ведомств и корпораций – Министерства энергетики, Министерства экономического развития, Министерства природных ресурсов и экологии, крупных компаний нефтегазового и атомного профиля – влияние на выработку курса рассредоточено между несколькими центрами с несовпадающими интересами. Ценностный пласт – представление о суверенитете и настороженность к климатической повестке, воспринимаемой как внешне навязанная, – сказывается на риторике решений и их обосновании. Технологическая самостоятельность вместе с освоением Арктики и Северного морского пути замыкает внутренний контур, связывая энергетику с промышленной и региональной политикой.

Существо модели – в подвижности весов. До определенного момента внешняя климатическая дисциплина и внутренняя готовность к мягкой адаптации перевешивали, направляя курс к осторожному следованию мировой тенденции. В 2022 г. картина заметно изменилась, и перемену стоит рассмотреть отдельно.

Переконфигурация весовых факторов после 2022 года

К 2021 г. российская политика двигалась в сторону сдержанного признания климатической повестки. Принятие стратегии низкоуглеродного развития [Распоряжение Правительства РФ № 3052-р, 2021], закона об ограничении выбросов [Федеральный закон № 296-ФЗ, 2021] и запуск регионального эксперимента по квотированию [Федеральный закон № 34-ФЗ, 2022] складывались в связную линию, где внешний климатический фактор получал заметный вес, а внутренняя адаптация мыслилась как способ удержать доступ к рынкам и финансированию. Логика этапа укладывалась в модель приспособления к чужим правилам.

После событий 2022 г. расстановка сместилась. При санкционном режиме и уходе прежних

покупателей выживание экспорта перешло в разряд первоочередных задач; климатический фактор отошел на второй план: в риторике он сохранился, однако утратил прежнюю значимость. Одновременно выросли веса суверенно-геополитической и технологической групп: контроль над цепочкой поставок, замещение импортного оборудования, разворот логистики к восточным партнерам [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, С. 8–15]. Прежняя установка на приспособление уступила место установке на самостоятельность.

Новая расстановка закреплена в Энергетической стратегии до 2050 года. Ускоренный мировой энергетический переход помещен в ней в разряд стрессовых сценариев с низкой вероятностью, тогда как базовые ориентиры отданы наращиванию переработки, газификации, удержанию экспортной доли на дружественных рынках [Распоряжение Правительства РФ № 908-р, 2025]. Три этапами – до 2030 г., 2031–2035 гг. и 2036–2050 гг. – задана траектория, в которой технологическая самостоятельность и адаптация к внешним ограничениям стоят по операционному приоритету выше климатической цели. Сместившиеся веса получают в документе вид плановых показателей.

Показательно рассогласование внутри корпуса документов. В Климатической доктрине 2023 г. в перечне опорных актов все еще значится Энергетическая стратегия до 2035 года [Указ Президента РФ № 812, 2023], которая к моменту принятия обновленной стратегии 2025 г. утратила силу. За нестыковкой датировок и отсылок проступает инкрементальный, разновременный характер выработки курса: акты принимаются разными ведомствами в разном темпе и не всегда синхронизированы. Наблюдение согласуется с моделью ограниченной рациональности: решения складываются частями и редко выводятся из единого центра по общему плану.

Заключение

Собранная модель дает основание для следующего вывода: решения российских органов власти в сфере энергетического перехода воспроизводят устойчивый тип, который уместно назвать суверенно-адаптивным. Его отличают приоритет адаптации над декарбонизацией, первенство суверенно-геополитических и технологических соображений над климатическими, а также инкрементальный способ выработки. От декарбонизационной модели ЕС российский тип отделен целевой установкой; от догоняющих моделей развивающихся экономик, где переход обычно подчинен импорту технологий и внешнему финансированию, – опорой на собственную ресурсную и технологическую базу.

Модель не претендует на полноту; ряд направлений остается открытым. Веса факторов заданы качественно; их операционализация через измеримые показатели – задача отдельного исследования. За рамками остались этапы и риски принятия решений, которые в структуре кандидатской работы образуют самостоятельные разделы. Предложенная рамка задает опору для дальнейшего анализа, соотнося разрозненные обстоятельства энергетического перехода с механизмом их превращения в государственный курс.

Библиография

1. Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.): принято Российской Федерацией постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2019 г. № 1228.
2. Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ.
3. О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации.

- Федерации: Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ.
4. Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812.
 5. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р.
 6. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р.
 7. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учебное пособие. М.: КДУ, 2004. 416 с.
 8. Ишеков К.А., Амбарцумов С.К. Формирование нормативно-правовых основ государственной политики в сфере альтернативной энергетики // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 136–150.
 9. Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений: учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2024. 423 с.
 10. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5–16.
 11. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21.
 12. Чижевская М.П. Санкции Японии и ЕС против российского энергетического сектора в условиях кризиса 2022 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 1. С. 85–94.
 13. Шуранова А.А., Петрунин Ю.Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношениях России и Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 74–89.
 14. Smil V. Energy Transitions: History, Requirements, Prospects. Santa Barbara: Praeger, 2010. 178 p.

Factor Model of Political-State Decisions in the Sphere of Energy Transition in Modern Russia

Tagir A. Fazylov

Postgraduate Student,
Department of Social and Political Communications,
Ufa State Petroleum Technological University,
450062, 1, Kosmonavtov str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: nikaga@yandex.ru

Nika E. Valitova

PhD in Politics,
Associate Professor of the Department of Social and Political Communications,
Ufa State Petroleum Technological University,
450062, 1, Kosmonavtov str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: nikaga@yandex.ru

Eduard S. Gareev

PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Social and Political Communications,
Ufa State Petroleum Technological University,
450062, 1, Kosmonavtov str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: gareevatb@yandex.ru

Abstract

The energy transition in world politics affects the fundamental interests of hydrocarbon-exporting states, including Russia; the change in strategic planning documents in 2021–2025 raised the question of the logic of state decisions in this sphere. The objective of the work is to build a factor model of political-state decisions in the field of energy transition in Russia. Tasks: to separate competing interpretations of the transition; to determine the composition and hierarchy of factors; to trace the change in their weight after 2022. The study is based on the theory of political decision-making, neo-institutional and actor approaches, as well as on content analysis of strategic planning documents. A two-level factor model is proposed, in which the distribution of factor weights is decisive, while their composition is secondary; it is shown that after 2022, the weight of the climate factor decreased, while the sovereign-geopolitical and technological factors increased, which is enshrined in the Energy Strategy until 2050. The configuration of factors reproduces the sovereign-adaptive type of political-state decisions, distinct from the decarbonization model of the European Union and from the catch-up models of developing economies.

For citation

Fazylov T.A., Valitova N.E., Gareev E.S. (2026) Faktornaya model' politiko-gosudarstvennykh resheniy v sfere energeticheskogo perekhoda v sovremennoy Rossii [Factor Model of Political-State Decisions in the Sphere of Energy Transition in Modern Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2026.26.88.004

Keywords

Political-state decisions, energy transition, energy sovereignty, climate policy, factor model, decarbonization, Energy Strategy until 2050, theory of political decision-making.

References

1. Parizhskoye soglashiye (Parizh, 12 dekabrya 2015 g.) [Paris Agreement (Paris, 12 December 2015)]. (2019). Prinyato Rossiyskoy Federatsiyey postanovleniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21 sentyabrya 2019 g. № 1228 [Adopted by the Russian Federation by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1228 of 21 September 2019].
2. Ob ogranichenii vybrosov parnikovyykh gazov [On Limiting Greenhouse Gas Emissions]. (2021). Federal'nyy zakon ot 2 iyulya 2021 g. № 296-FZ [Federal Law No. 296-FZ of 2 July 2021].
3. O provedenii eksperimenta po ogranicheniyu vybrosov parnikovyykh gazov v otdel'nykh sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [On Conducting an Experiment on Limiting Greenhouse Gas Emissions in Certain Constituent Entities of the Russian Federation]. (2022). Federal'nyy zakon ot 6 marta 2022 g. № 34-FZ [Federal Law No. 34-FZ of 6 March 2022].
4. Ob utverzhdenii Klimaticheskoy doktriny Rossiyskoy Federatsii [On Approving the Climate Doctrine of the Russian Federation]. (2023). Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 26 oktyabrya 2023 g. № 812 [Decree of the President of the Russian Federation No. 812 of 26 October 2023].
5. Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii s nizkim urovнем vybrosov parnikovyykh gazov do 2050 goda [On Approving the Strategy for Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050]. (2021). Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 oktyabrya 2021 g. № 3052-r [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r of 29 October 2021].
6. Ob utverzhdenii Energeticheskoy strategii Rossiyskoy Federatsii na period do 2050 goda [On Approving the Energy Strategy of the Russian Federation for the Period until 2050]. (2025). Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 12 aprelya 2025 g. № 908-r [Decree of the Government of the Russian Federation No. 908-r of 12 April 2025].
7. Degtyarev A.A. (2004). *Prinyatiye politicheskikh resheniy* [Political Decision-Making]. KDU.
8. Ishkov K.A., Ambartsumov S.K. (2024). Formirovaniye normativno-pravovykh osnov gosudarstvennoy politiki v sfere

-
- al'ternativnoy energetiki [Formation of the Regulatory and Legal Framework of State Policy in the Field of Alternative Energy]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 105, 136-150.
9. Solov'yev A.I. (2024). *Prinyatiye i ispolneniye gosudarstvennykh resheniy* [Adoption and Implementation of Government Decisions] (3rd ed.). Aspekt Press.
10. Torkunov A.V., Streltsov D.V. (2023). Rossiyskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russia's Pivot to the East Policy: Problems and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 67(4), 5-16.
11. Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. (2020). Rossiyskiy povorot na Vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy [Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems and Prospects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 5, 8-21.
12. Chizhevskaya M.P. (2024). Sanktsii Yaponii i ES protiv rossiyskogo energeticheskogo sektora v usloviyakh krizisa 2022 g. [Sanctions of Japan and the EU against the Russian Energy Sector in the Context of the 2022 Crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 68(1), 85-94.
13. Shuranova A.A., Petrunin Yu.Yu. (2022). Energeticheskiy krizis 2021-2022 gg. v otnosheniyakh Rossii i Yevropeyskogo soyuza [The Energy Crisis of 2021-2022 in Relations between Russia and the European Union]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 90, 74-89.
14. Smil V. (2010). *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Praeger.
-

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

Политические аспекты ограничения изоляционных мер в отношении беременных женщин в англо-американской правовой традиции

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена политическому анализу законодательных инициатив, направленных на ограничение применения мер уголовного наказания, сопряжённых с изоляцией от общества, в отношении беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до двух лет, в контексте англо-американской правовой традиции. Рассматриваются британский проект «Lost Mothers» и политические дискуссии в США, которые выявляют нормативный конфликт, не сводимый к эмпирическим данным о вреде пенитенциарного принуждения, а обусловленный необходимостью пересмотра теоретических оснований юридической ответственности и границ государственного принуждения. Особое внимание уделяется политическо-правовой природе периода «1001 день», проблеме дискреционных процедур, отсутствию федеральных стандартов в США, фрагментации правоприменения, а также сравнительно-правовому измерению с учётом влияния Европейской конвенции по правам человека. Исследуются политико-правовые аспекты реляционной ответственности, инфраструктурные ограничения альтернативных мер и процессуальные последствия разлучения матери и ребёнка. Делается вывод о том, что существующие политические

механизмы не обеспечивают устойчивого нормативного каркаса, а наиболее значимые изменения происходят в судебной, а не законодательной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Политические аспекты ограничения изоляционных мер в отношении беременных женщин в англо-американской правовой традиции // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 37-46. DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

Ключевые слова

Уголовное наказание, изоляция от общества, беременные женщины, матери малолетних детей, наилучшие интересы ребенка, период «1001 дня», судебское усмотрение, альтернативные меры наказания, Европейская конвенция по правам человека, политический процесс, права ребёнка в уголовном процессе.

Введение

Анализ политических аспектов законодательных инициатив, направленных на ограничение применения мер уголовного наказания, сопряжённых с изоляцией от общества, в отношении беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до двух лет, в контексте англо-американской правовой традиции требует обращения к фундаментальным принципам уголовной юстиции, доктрине прав человека и эволюции нормативного содержания категории «наилучшие интересы ребенка». Представленный британский проект «Lost Mothers» и сопутствующие ему дискуссии в Соединённых Штатах Америки высвечивают глубокий нормативный конфликт, несводимый исключительно к эмпирическим данным о деструктивных эффектах пенитенциарного принуждения, но обусловленный необходимостью переосмысления теоретических оснований юридической ответственности и границ принуждения. В центре данного конфликта лежит вопрос о способности позитивного права институционализировать специфический процессуальный статус беременной женщины и матери как субъекта, чьи телесные и психические состояния непосредственно конституируют жизненный мир будущего либо новорожденного ребенка [Abbott, 2025; Fletcher, 2012; Turner, 2022]. Правовые притязания последнего не могут быть сведены к интересам третьих лиц, однако и не приобретают автономной судебной защиты в полном объеме до наступления момента рождения. В настоящее время в Великобритании и Соединённых Штатах предложения о радикальном ограничении применения изоляционных мер к обозначенной категории осужденных не получили закрепления, несмотря на накопленный массив судебных прецедентов и рекомендаций международных институтов. Данное обстоятельство порождает состояние правовой неопределённости, при котором сложившаяся пенитенциарная инфраструктура и устоявшиеся практики назначения наказаний продолжают воспроизводить дискриминационные эффекты, вступающие в противоречие как с политическими либеральными теориями справедливости, так и с конституционными гарантиями равной защиты.

Основная часть

Для политического анализа необходимо дифференцировать три уровня нормативного регулирования. Во-первых, это уровень уголовно-процессуального и уголовно-

исполнительного законодательства, задающего формальные критерии отсрочки отбывания наказания и основания для условно-досрочного освобождения [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987; Turner, 2022]. Во-вторых, это уровень судебного прецедента и судейского усмотрения, где формируются подходы к оценке обстоятельств, смягчающих наказание. В-третьих, это уровень конституционных и наднациональных гарантий, устанавливающих минимальные стандарты обращения с лицами, лишёнными свободы, и защищающих право на уважение семейной жизни. Британский проект «Lost Mothers» предлагает институционализировать обязательную оценку воздействия на так называемый период «1001 дня», охватывающий временной интервал от зачатия до достижения ребёнком двухлетнего возраста. Данная инициатива представляет собой попытку трансформировать эмпирические данные нейронауки и психологии развития в юридические критерии, придав научному знанию статус обязательного элемента судейского дискурса. Однако юридическая техника подобного перевода сталкивается с эпистемологическими трудностями: причинно-следственная связь между лишением свободы матери и долгосрочным ущербом для развития ребёнка не поддаётся оценке. Судьи, не обладающие специализированной подготовкой в области детской психологии, вынуждены опираться на экспертные заключения, которые сами по себе не являются юридически обязывающими и могут варьироваться в зависимости от методологических предпосылок. Кроме того, предложение о введении обязательных оценок не устраняет фундаментальной проблемы дискреционного характера подобных процедур, поскольку даже при наличии унифицированных протоколов остаётся открытым вопрос о пороге тяжести общественно опасного деяния, при котором исключение из общего правила об отказе от изоляции становится оправданным, а также о субъекте, законодателе, Верховном суде или судье первой инстанции.

В Соединённых Штатах отсутствие федеральных стандартов, регулирующих правовой статус матерей, подвергнутых уголовному преследованию, порождает фрагментацию правового пространства, где в каждом из пятидесяти штатов действуют автономные нормативные режимы, зачастую не согласованные ни с минимальными международными стандартами, ни с конституционными нормами о равной защите [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987; Turner, 2022]. Это приводит к ситуациям, когда женщина, осуждённая за идентичное деяние, может получить отсрочку отбывания наказания в одном штате и быть немедленно направлена в исправительное учреждение с новорождённым в другом, подобные различия не имеют рационального объяснения с точки зрения целей уголовного наказания. Правовые прецеденты, на которые ссылаются сторонники реформ, в частности, решения Верховного суда, признающие право на семейную целостность в качестве фундаментального права, защищаемого Четырнадцатой поправкой, действительно существуют. Однако их применение к сфере уголовной юстиции остаётся ограниченным, поскольку традиционная доктрина рассматривает лишение свободы как законное ограничение ряда конституционных прав, и суды последовательно отказываются признавать за осуждёнными право на продолжение выполнения родительских функций в том же объёме, что и у лиц, не подвергнутых уголовному преследованию. Политический парадокс заключается в том, что, с одной стороны, американская система правосудия содержит прецеденты, поддерживающие право матери на воспитание ребёнка как элемент свободы, охраняемой против произвольного вмешательства государства, но, с другой стороны, сам факт нахождения в пенитенциарном учреждении рассматривается как легитимное основание для такого вмешательства. Суды не готовы квалифицировать разлучение матери и ребенка как дополнительное наказание либо как жестокое и необычное наказание по смыслу Восьмой поправки, если только не доказано наличие грубой небрежности со стороны администрации

исправительного учреждения [Cloud et al., 2023]. Таким образом, юридический дискурс оказывается замкнутым в бинарной логике: либо женщина признаётся виновной и подвергается стандартному наказанию, либо ей предоставляется исключение, трактуемое как проявление судейского милосердия, а не как признание её особого правового статуса. Это принципиально отличает рассматриваемую проблематику от, например, защиты прав лиц с психическими расстройствами, где наличие особого статуса инкорпорировано в уголовное законодательство через институты невменяемости и ограниченной вменяемости.

Переходя к детализированному анализу британской инициативы, следует отметить, что рекомендация прекратить применение мер изоляции в отношении беременных женщин и матерей детей младше двух лет за исключением случаев серьёзной угрозы общественной безопасности представляет собой не просто пенитенциарную реформу, но концептуальный сдвиг в понимании субъекта уголовной ответственности. Она имплицитно признаёт, что беременность и раннее материнство модифицируют саму структуру вменения, делая применение карательных санкций несоразмерным целям генеральной и специальной превенции. Однако нормативное закрепление такого исключения требует разработки критерия серьёзной угрозы общественной безопасности. В существующих уголовно-правовых доктринах данный критерий обычно привязан к категории преступления, например, к деяниям, связанным с применением физического принуждения, или особо тяжким деяниям, однако это не учитывает индивидуальные обстоятельства дела и степень общественной опасности личности, которая может быть низкой даже при формально тяжком обвинении. Опыт применения аналогичных норм в некоторых штатах США, например в Калифорнии и Нью-Йорке, где функционируют программы альтернативного отбывания наказания для матерей, показывает, что судьи зачастую реализуют свои полномочия непоследовательно, назначая изоляцию женщинам из маргинализированных групп и предоставляя отсрочки женщинам с высоким социально-экономическим статусом. Это свидетельствует о том, что формальное законодательное регулирование без подкрепления механизмами мониторинга и апелляционного пересмотра не способно обеспечить равноправную реализацию декларируемых целей [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987].

В Соединённых Штатах ситуация осложняется отсутствием не только федеральных стандартов, но и системы сбора и анализа данных о количестве беременных женщин и матерей, содержащихся в исправительных учреждениях, что делает невозможным эмпирическое обоснование необходимости реформ и оценку их эффективности. Это критикуется как Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, так и национальными правозащитными организациями, однако Конгресс не проявляет готовности к принятию соответствующего законодательства, ссылаясь на принцип федерализма и нежелание вмешиваться в компетенцию штатов. Отсутствие федеральных стандартов приводит к тому, что права матерей, подвергнутых уголовному преследованию, защищаются главным образом через иски о нарушении запрета на жестокое обращение или о нарушении равной защиты, которые рассматриваются в окружных судах и редко доходят до Верховного суда [Cloud et al., 2023]. Если же они достигают высшей инстанции, последний последовательно отказывается признавать за беременными женщинами особый конституционный статус, предпочитая рассматривать их жалобы в общем ряду с жалобами других категорий лиц, лишённых свободы. В условиях бездействия законодателя такое уклонение фактически легитимирует существующую практику и перекладывает ответственность на суды низших инстанций, которые не обладают ресурсами и полномочиями для системной реформы. В сравнительно-

правовом измерении следует указать на то, что английское право, в отличие от американского, находится под непосредственным влиянием Европейской конвенции по правам человека, инкорпорированной в национальное законодательство Актом о правах человека 1998 года. Это создаёт дополнительные правовые основания для оспаривания решений о применении изоляции к беременным женщинам и матерям, поскольку статья 8 Конвенции гарантирует право на уважение частной и семейной жизни, а статья 3 запрещает пытки и бесчеловечное обращение. Европейский суд по правам человека в ряде своих решений выработал критерии соразмерности вмешательства государства в семейную жизнь, которые требуют учитывать интересы ребенка как самостоятельного субъекта прав. Однако британские суды, применяя Конвенцию, сохраняют значительную свободу усмотрения в вопросах назначения наказания, и практика показывает, что ссылки на статью 8 редко приводят к отмене приговоров к лишению свободы. Суды исходят из презумпции законности судебного решения и возлагают на осуждённую бремя доказывания непропорциональности вмешательства, что в условиях состязательного процесса и ограниченных ресурсов защиты является крайне затруднительным. Проект «Lost Mothers» представляет собой рекомендательный акт, не имеющий обязательной силы для магистратов и коронных судей, и его влияние на судебную практику будет зависеть от того, насколько активно апелляционные суды будут ссылаться на него как на авторитетный источник, отражающий современное состояние научного знания и социальных ценностей [Abbott, 2025]. В английской правовой системе подобные рекомендации, даже исходящие от уважаемых комиссий, не обладают статусом прецедента и могут быть проигнорированы без формального обоснования. В этом отношении показательно сопоставить британский подход с канадским, где Верховный суд в деле «R. v. Shoker» (2006) признал, что интересы детей должны учитываться при вынесении приговора. Канадское законодательство пошло дальше и ввело специальные положения о домашнем аресте для матерей, которые, впрочем, не всегда реализуются на практике из-за отсутствия инфраструктуры мониторинга.

Важнейшим правовым аспектом, требующим отдельного углублённого анализа, является вопрос о юридической природе периода «1001 дня», предлагаемого для обязательной оценки в рамках британской инициативы. Данный период не имеет прямого аналога в позитивном праве, и его введение потребовало бы переопределения концепции сроков давности, отсрочки и условно-досрочного освобождения. С точки зрения формальной логики, если закон признаёт критическую важность первых 1001 дней для развития ребёнка, он должен установить императивный запрет на любые действия государства, которые могут нанести вред в этот период, за исключением случаев, когда бездействие государства приведёт к ещё большему вреду. Однако эта юридическая конструкция сталкивается с проблемой доказывания: вред от разлучения носит долгосрочный и вероятностный характер, тогда как вред от освобождения матери может быть немедленным и конкретным, например, если она совершила акт физического насилия в отношении старшего ребенка. Следовательно, законодатель должен определить, является ли приоритет защиты общественной безопасности безусловным или же он должен балансироваться с защитой права ребенка на продолжение отношений с матерью. Если последнее признаётся конституционным правом, государство обязано обеспечить альтернативные механизмы изоляции матери, такие как домашний арест с электронным мониторингом, помещение в специализированные центры с открытым режимом или принудительное лечение, которые не прерывают физического контакта между матерью и ребёнком. Однако существующие альтернативы мерам изоляции в сообществе, упоминаемые в британском проекте, на сегодняшний день не имеют достаточного законодательного и

финансового обеспечения. Суды, даже будучи убеждёнными в необходимости замены лишения свободы, часто не располагают реальной возможностью назначить альтернативное наказание, поскольку соответствующие программы либо отсутствуют в конкретном регионе, либо перегружены, либо не сертифицированы для приёма женщин с детьми [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987].

В Соединённых Штатах эта инфраструктурная проблема стоит острее, поскольку система probation и условного осуждения фрагментирована и финансируется преимущественно из местных бюджетов. Это означает, что даже при наличии судебного решения об альтернативном наказании его исполнение зависит от решений шерифов и директоров местных департаментов по исправительным делам, которые не обязаны подчиняться суду в вопросах организации надзора. Правовой статус ребёнка, находящегося вместе с матерью в пенитенциарном учреждении или в центре альтернативного отбывания, остаётся неопределённым, поскольку ребенок не является осуждённым и не должен подвергаться ограничениям, связанным с отбыванием наказания. Однако на практике он оказывается в замкнутом пространстве, где его передвижение, доступ к медицинской помощи и образовательным услугам определяются тюремными правилами, а не стандартами защиты детства. В некоторых американских юрисдикциях существуют специальные программы, позволяющие матери оставлять ребёнка с собой до достижения им определённого возраста, обычно от шести до двенадцати месяцев, но эти программы носят факультативный характер и зависят от усмотрения администрации учреждения. Таким образом, право матери на совместное проживание с ребёнком не гарантируется законом, а предоставляется в качестве льготы, которая может быть отозвана за нарушение внутреннего распорядка, не связанное с опасностью для ребёнка. Такой подход противоречит фундаментальному правовому принципу, согласно которому ограничение родительских прав требует судебного решения, принятого в рамках процедуры лишения родительских прав, и не может быть побочным эффектом уголовного наказания. Однако суды последовательно отказываются признавать это противоречие, утверждая, что состояние изоляции само по себе является законным основанием для временного ограничения родительских прав, и что передача ребёнка в опеку социальных служб является не наказанием, а мерой защиты.

С позиций философии права обсуждаемая проблематика обнажает кризис пенитенциарной парадигмы, которая рассматривает преступление исключительно как деяние, совершённое изолированным индивидом, и игнорирует социальные связи. Беременность и материнство представляют собой состояние радикальной зависимости и взаимности, которое не может быть адекватно описано категориями вины и ответственности, заимствованными из уголовного права, ориентированного на абстрактного субъекта, наделённого формальной свободой воли. Предложение ограничить применение изоляции для беременных и матерей является имплицитным признанием того, что субъект, вынашивающий или кормящий грудью ребёнка, обладает редуцированной способностью к самоопределению и, соответственно, не может нести ответственность в том же объёме, что и иные граждане. Однако такое признание может быть истолковано как инфантилизация женщины или как аргумент в пользу ограничения её репродуктивных прав. Разрешение этого теоретического противоречия видится в переходе от модели единого субъекта наказания к модели реляционной ответственности, где преступное деяние оценивается не изолированно, а в совокупности с его воздействием на ближайший круг лиц, и где назначение наказания должно быть соразмерно не только тяжести деяния, но и степени социальной защищённости иждивенцев. Такая модель уже нашла частичное отражение в британском Законе о правосудии по делам несовершеннолетних и уголовном процессе 2015

года, который предписывает судам запрашивать информацию о наличии иждивенцев при вынесении приговора. Однако эта информация не имеет обязательного веса и не требует пересмотра приговора в случае её отсутствия.

На сегодняшний день ни одна из крупных правовых систем не предприняла шагов по институционализации обязательных оценок воздействия на 1001 день на уровне статутного права, и все инициативы остаются на стадии политических рекомендаций или судебных руководств. Это свидетельствует о глубоком институциональном консерватизме и о доминировании бюрократических интересов пенитенциарной системы над принципами гуманизма. В Соединённых Штатах недавние попытки внести законопроект, известный как «Mothers and Infants First Act», в Конгрессе не увенчались успехом, поскольку он был блокирован в сенатском комитете по ассигнованиям из-за опасений бюджетных последствий. Сторонники реформ указывали на то, что стоимость содержания ребёнка в учреждении изоляции значительно выше стоимости альтернативных программ, однако эти экономические аргументы не были услышаны в условиях политического климата. Британское правительство, в свою очередь, опубликовало в начале текущего года консультационный документ, в котором выразило поддержку рекомендациям «Lost Mothers», но одновременно подчеркнуло необходимость сохранения судебской дискреции и отказалось от законодательного закрепления обязательных оценок. Это было воспринято правозащитными организациями как акт символической политики, не влекущей изменений. Показательно, что в обоих государствах ключевым препятствием является не столько отсутствие политической воли, сколько доктринальная неопределённость относительно того, может ли интерес ребёнка выступать в качестве самостоятельного смягчающего обстоятельства, которое перевешивает интерес общества в применении заслуженного наказания. Эта доктринальная дискуссия восходит к классическим работам основоположников утилитаризма и ретрибутивизма, которые по-разному отвечали на вопрос о допустимости учёта внеправовых последствий приговора.

Заключение

Политический аспект обсуждаемой проблемы остаётся неразрешённым на трёх взаимосвязанных уровнях: доктринальном осмыслении субъекта уголовной ответственности, законодательной технике и судебном правоприменении. Британский проект «Lost Mothers» и американские политические дебаты, несмотря на их значимость для публичного дискурса, не привели к созданию устойчивого нормативного каркаса, который бы гарантировал беременным женщинам и матерям малолетних детей право на альтернативное наказание, а не на дискреционное усмотрение судьи. Существующие прецеденты, хотя и признают право матери на воспитание ребёнка в качестве конституционной ценности, не могут преодолеть инерцию пенитенциарных институтов и укоренившуюся практику рассматривать изоляцию как универсальную меру реагирования на преступные деяния, независимо от индивидуальных характеристик осуждённого. Современная правовая реальность такова, что женщина, ожидающая ребенка или имеющая младенца, при совершении преступления оказывается в «серой зоне», где её особый статус признаётся риторически, но не влечёт юридических последствий. Эта зона расширяется по мере накопления эмпирических данных о вреде изоляции для развития ребёнка, но сужается по мере усиления требований общественной безопасности и популистских настроений. Выход из этой ситуации лежит не в плоскости точечных законодательных поправок, а в системной ревизии теории наказания, которая должна учитывать реляционную природу человеческого существования и признавать, что государство, применяя

санкции к матери, неизбежно воздействует и на ребёнка. Это двойное воздействие не может быть оправдано ни одной из известных теорий справедливости, если только не признаётся наличие непосредственной угрозы для других лиц, делающей изоляцию матери необходимой.

Библиография

1. Abbott L. The Lost Mothers Project: Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience //Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience: 3rd Annual Global Prison Nursery Network Symposium. – 2025.
2. Bertsch L. et al. Time-in-cell 2019: a snapshot of restrictive housing based on a nationwide survey of US prison systems. – 2020.
3. Camoni L. et al. Epidemiology of perinatal depression in Italy: systematic review and meta-analysis //Annali dell'Istituto Superiore di Sanita. – 2023. – Т. 59. – №. 2. – С. 139-148.
4. Churchill M. Exploring the Experiences of People with 'High-Risk' Pregnancy and Prenatal Education in Nova Scotia : дис. – Mount Saint Vincent University, 2024.
5. Cloud D. H. et al. "We just needed to open the door": a case study of the quest to end solitary confinement in North Dakota //Health & justice. – 2021. – Т. 9. – №. 1. – С. 28.
6. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration //Annual review of public health. – 2023. – Т. 44. – №. 1. – С. 407-428.
7. Dhankar A., Katz A. Tracking pregnant women's mental health through social media: an analysis of reddit posts //JAMIA open. – 2023. – Т. 6. – №. 4. – С. ooad094.
8. Farinella L. P. Personality Traits of Aryan Brotherhood Prison Gang Leaders: A Mixed Methods Content Analysis : дис. – National University, 2024.
9. Fletcher E. H. Bodies in a Zone of Indistinction: A History of the Biomedicalization of Pregnancy in Prison. – 2012.
10. McNulty M. Pregnancy police: The health policy and legal implications of punishing pregnant women for harm to their fetuses //NYU Rev. L. & Soc. Change. – 1987. – Т. 16. – С. 277.
11. Turner F. M. Proving Pregnancy: Gender, Law, and Medical Knowledge in Nineteenth-Century America. – UNC Press Books, 2022.

Political Aspects of Limiting Isolation Measures for Pregnant Women in the Anglo-American Legal Tradition

Oleg A. Smirnov

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksey V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a political analysis of legislative initiatives aimed at limiting the application of criminal punishment measures involving isolation from society in relation to pregnant women and mothers with children under the age of two, in the context of the Anglo-American legal tradition. The British "Lost Mothers" project and political discussions in the USA are examined, which reveal a normative conflict that cannot be reduced to empirical data on the harm of penitentiary coercion, but is conditioned by the need to revise the theoretical foundations of legal responsibility and the boundaries of state coercion. Particular attention is paid to the political and legal nature of the "1001 days" period, the problem of discretionary procedures, the absence of federal standards in the USA, the fragmentation of law enforcement, as well as the comparative legal dimension with regard to the influence of the European Convention on Human Rights. The political and legal aspects of relational responsibility, infrastructural limitations of alternative measures, and the procedural consequences of the separation of mother and child are investigated. It is concluded that the existing political mechanisms do not provide a stable normative framework, and the most significant changes occur in the judicial rather than the legislative sphere.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2026) Politicheskie aspekty ogranicheniya izolyatsionnykh mer v otnoshenii beremennykh zhenshchin v anglo-amerikanskoy pravovoy traditsii [Political Aspects of Limiting Isolation Measures for Pregnant Women in the Anglo-American Legal Tradition]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 37-46. DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

Keywords

Criminal punishment, isolation from society, pregnant women, mothers of young children, best interests of the child, "1001 days" period, judicial discretion, alternative measures of punishment, European Convention on Human Rights, political process, rights of the child in criminal proceedings.

References

1. Abbott L. (2025). The Lost Mothers Project: Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience. *3rd Annual Global Prison Nursery Network Symposium*.
2. Bertsch L. et al. (2020). *Time-in-cell 2019: A Snapshot of Restrictive Housing Based on a Nationwide Survey of US Prison Systems*.
3. Camoni L. et al. (2023). Epidemiology of Perinatal Depression in Italy: Systematic Review and Meta-Analysis. *Annali dell'Istituto Superiore di Sanita*, 59(2), 139-148.
4. Churchill M. (2024). *Exploring the Experiences of People with 'High-Risk' Pregnancy and Prenatal Education in Nova Scotia* (Doctoral dissertation). Mount Saint Vincent University.
5. Cloud D.H. et al. (2021). "We Just Needed to Open the Door": A Case Study of the Quest to End Solitary Confinement in North Dakota. *Health & Justice*, 9(1), 28.

-
6. Cloud D.H. et al. (2023). Public Health and Prisons: Priorities in the Age of Mass Incarceration. *Annual Review of Public Health*, 44(1), 407-428.
 7. Dhankar A., Katz A. (2023). Tracking Pregnant Women's Mental Health Through Social Media: An Analysis of Reddit Posts. *JAMIA Open*, 6(4), ooad094.
 8. Farinella L.P. (2024). *Personality Traits of Aryan Brotherhood Prison Gang Leaders: A Mixed Methods Content Analysis* (Doctoral dissertation). National University.
 9. Fletcher E.H. (2012). *Bodies in a Zone of Indistinction: A History of the Biomedicalization of Pregnancy in Prison*.
 10. McNulty M. (1987). Pregnancy Police: The Health Policy and Legal Implications of Punishing Pregnant Women for Harm to Their Fetuses. *NYU Review of Law & Social Change*, 16, 277.
 11. Turner F.M. (2022). *Proving Pregnancy: Gender, Law, and Medical Knowledge in Nineteenth-Century America*. UNC Press Books.

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.66.23.006

Реформирование уголовной юстиции в США: уголовно-исполнительная политика, как объект системной трансформации

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье осуществляется системный анализ структурных ограничений реформирования системы уголовной юстиции США в контексте правоприменительной практики увеличения спецконтингента (осужденных). Обосновывается тезис о том, что уголовно-исполнительная политика Соединенных Штатов на протяжении последних четырех десятилетий функционирует в парадигме, определяемой преимущественно репрессивными установками. Данная парадигма сформировалась под воздействием комплекса факторов, включая политическую конъюнктуру, медийное освещение проблем преступности, а также структурные особенности устройства государства, при котором значительная часть полномочий в сфере исполнения наказаний делегирована на уровень отдельных штатов. Подобная децентрализация создает множественность правовых режимов и существенно затрудняет выработку единой стратегии реформирования. Анализируется предложенное в современном научном дискурсе положение о том, что феномен экспансионистской (агрессивной) пенитенциарной политики не может быть объективно оценен как совокупность разрозненных локальных решений, тем не менее представляет собой системное явление в политическом контексте. Основной концепт работы заключается в утверждении, что без фундаментальной трансформации политической среды, в которой принимаются решения о санкционировании и общественной безопасности, масштаб реформаторских преобразований будет принципиально ограничен, даже если отдельные инициативы выглядят прогрессивными или демонстрируют локальные успехи.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Реформирование уголовной юстиции в США: уголовно-исполнительная политика, как объект системной трансформации // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 47-56. DOI: 10.34670/AR.2026.66.23.006

Ключевые слова

Пенитенциарная система, политическая среда, реформа уголовной юстиции, политический дискурс, структурное неравенство, латентные последствия, моральная аргументация, экспансия уголовно-правового реагирования, спецконтингент, осужденные.

Введение

Проблематика массовой институционализации в системе уголовной юстиции США представляет собой один из наиболее устойчивых и трудноразрешимых вызовов современной публичной политики, несмотря на более чем 50 лет цикл реформаторских инициатив и значительную редукцию уровня преступности, наблюдавшуюся в последние десятилетия. В данном контексте особое теоретическое значение приобретает критический анализ инкрементальных подходов к реформированию пенитенциарной системы, а также акцент на детерминирующей роли политической среды как структурного фактора, конституирующего систему массовой изоляции. Настоящий анализ рассматривает политических решений как ключевого элемента, детерминирующего феномен экспансионистской пенитенциарной политики применительно к современному состоянию уголовно-правовой политики [Roehrkaase, Wildeman, 2022].

Центральный тезис, согласно которому массовая изоляция в системе уголовной юстиции представляет собой не совокупность разрозненных локальных феноменов, но системное явление, глубоко укорененное в политическом климате и общественных установках, требует теоретического осмысления в аспекте релевантных эмпирических данных и политических процессов. Особого внимания заслуживает положение о том, что без фундаментальной трансформации политической среды, в которой принимаются решения о санкционировании и общественной безопасности, реформаторские усилия будут принципиально ограничены по своему масштабу и долгосрочной эффективности, даже если отдельные инициативы являются прогрессивными или демонстрируют локальные успехи.

Основное содержание

Для понимания эпистемологической глубины аргументации относительно природы политической среды как объекта анализа и преобразований необходимо исследовать теоретическую позицию, согласно которой политическая среда функционирует не как пассивный фон социально-экономических процессов, но как активный структурный фактор, конституирующий саму возможность обсуждения определенных политических альтернатив и легитимирующий одни решения при одновременной делегитимации других [Ouellette, Applegate, 2023]. В отличие от исследований, сосредоточенных на институциональных механизмах или экономической эффективности систем правосудия, данный подход предлагает рассматривать политическую среду как сложный конгломерат взаимосвязанных элементов, включающих стратегии политических акторов, медийные репрезентации девиантности и санкционирования, партийные платформы, электоральные стимулы, а также глубинные культурные установки относительно справедливости, ответственности и социального порядка [Елагина, Новиков, 2025].

Особенно значимой представляется критика анализа межрегиональных различий, который, хотя и демонстрирует значительную вариативность в уровнях институционализированного населения между отдельными территориями, создает ограничения, побуждающие исследователей и политических акторов упускать из виду общенациональный характер феномена. Концентрация на региональных различиях рискует сформировать ошибочную презумпцию локальной природы проблемы, тогда как массовая изоляция представляет собой

общенациональный феномен в США [Remster, Kramer, 2023]. Данный аргумент приобретает дополнительную весомость при рассмотрении механизмов распространения уголовной политики: ключевые законодательные инициативы, такие как федеральные мандаты в отношении минимальных сроков или ограничения на судебское усмотрение, создавали структурные условия, в рамках которых даже относительно либеральные регионы были вынуждены следовать общему тренду ужесточения.

Механизмы распространения политики ужесточения приговоров через вертикальные и горизонтальные каналы представляют собой нетривиальный объект анализа. Вертикальное измерение включает федеральные законодательные акты, решения высших судебных инстанций и инициативы исполнительной власти, которые задают нормативные параметры для всей системы уголовной юстиции. Горизонтальное измерение охватывает процессы межрегиональной диффузии политических инноваций, где успех репрессивных мер в одной территориальной единице создавал прецеденты и электоральные стимулы для их принятия в других. Данные механизмы действуют в совокупности, формируя систему взаимных усиления, которая делает локальные отклонения от генерального тренда экстраординарно сложными в политическом отношении [Roehrkaase, Wildeman, 2022]. Национальный политический климат и риторика «жесткой» политики в отношении девиантности оказывают более фундаментальное влияние, нежели локальные особенности, и фокусировка на различиях может нивелировать этот детерминирующий фактор.

Дискуссия относительно модели формирования массовой изоляции заслуживает специального рассмотрения в силу ее применения для стратегии реформирования. Одна из концептуальных позиций утверждает, что массовая изоляция формировалась преимущественно через местные инициативы и региональные политические культуры, где прокуроры, судьи и местные законодатели принимали решения, обусловленные локальными условиями и общественными ожиданиями. Альтернативная позиция, напротив, настаивает на детерминирующей роли процесса, где национальная политическая риторика и федеральные инициативы задавали направление, в рамках которого локальные акторы затем осуществляли свою деятельность [Beckett, Beach, 2021].

Данное расхождение не является сугубо академическим; оно имеет прямое значение для понимания возможностей и пределов реформ. Если феномен массовой изоляции действительно имеет преимущественно национальное происхождение в США, то и стратегии его преодоления должны быть ориентированы на общегосударственный уровень. Однако данная позиция не сводится к простому отрицанию локальной вариативности или региональной специфики; скорее, предлагается рассматривать эти факторы в иерархической перспективе, где национальный политический климат выступает как структурное условие, ограничивающее пространство возможных действий на субнациональном уровне.

Эмпирическая обоснованность тезиса о приоритете национального уровня может быть проиллюстрирована анализом стратегий, доминировавших в политике на протяжении длительного периода. Политические лидеры различных партий систематически использовали тему девиантности для мобилизации электората и легитимации более широких политических проектов, связанных с социальным контролем и перераспределением ресурсов. Данная риторика создала стимулы для политиков на всех уровнях демонстрировать свою приверженность «жесткой» политике в отношении девиантности, что приводило к последовательному ужесточению законодательства даже в тех регионах, где объективные

показатели уровня преступности не давали для этого оснований [Ouellette, Applegate, 2023]. Таким образом, национальная риторика формировала горизонт ожиданий и допустимых политических действий, в рамках которого локальные акторы принимали свои решения.

Важным аспектом аргументации является признание двухпартийного характера консенсуса ужесточения уголовной политики. Данное наблюдение противостоит нарративам, возлагающим ответственность за массовую изоляцию исключительно на одну политическую силу, и открывает более сложное понимание политической динамики. Политические силы различной ориентации активно поддерживали ужесточение уголовного законодательства, стремясь преодолеть восприятие своей «мягкости» в вопросах обеспечения правопорядка. Законодательные акты, расширившие полномочия в области уголовной юстиции и увеличившие финансирование пенитенциарной инфраструктуры, стали кульминацией данного двухпартийного консенсуса. Игнорирование этого исторического факта ведет к неверной диагностике политических причин массовой изоляции и, соответственно, к ошибочным стратегиям реформирования, которые фокусируются на смене партийного контроля вместо изменения глубинных структур политического дискурса.

Политическая среда как объект преобразований

Переходя от критики существующих подходов к позитивной программе, теоретическая позиция предлагает рассматривать политическую среду не как внешнее ограничение, но как ключевой объект преобразований. Данная концептуальная установка трансформирует перспективу реформаторских стратегий: вместо поиска технически оптимальных политических решений в заданных рамках исследовательский подход призывает к трансформации самих рамок, в которых такие решения принимаются и оцениваются. Политическая среда перестает быть внешним фоном и становится центральным предметом стратегического внимания, поскольку именно в ней коренятся механизмы репродукции массовой изоляции [Roehrkasse, Wildeman, 2022].

В данном контексте особое значение приобретает критика инкрементализма. Постепенные изменения, хотя и могут приносить определенные позитивные результаты, по своей природе неспособны преодолеть глубинные структурные ограничения, поскольку они остаются в пределах существующего политического дискурса и не подвергают сомнению его базовые положения. Инкрементальные реформы часто имеют обратный эффект: они создают видимость прогресса и могут снижать политическую волю к более фундаментальным преобразованиям, одновременно не изменяя механизмы, продуцирующие массовую изоляцию. Поэтому, необходим сдвиг в самом политическом дискурсе, который позволил бы обсуждать альтернативы изоляции как полноценные варианты политики, а не как уступки определенной повестке.

Особого внимания заслуживает анализ моральных аргументов в контексте реформирования уголовной юстиции. В течение длительного времени доминировали два типа дискурса: экономический, апеллирующий к аргументам о стоимости изоляции и неэффективности политики массовой изоляции, и прагматический, сосредоточенный на обсуждении альтернативных мер, которые могли бы быть столь же эффективны в обеспечении общественной безопасности. Оба данных дискурса, хотя и имеют определенную ценность, не могут служить достаточным основанием для глубоких преобразований, поскольку они

оперируют в рамках инструментальной рациональности и не затрагивают моральных оснований системы санкционирования.

Моральные аргументы обладают большим потенциалом для трансформации политической среды, поскольку они апеллируют к фундаментальным ценностям и могут мобилизовать более широкие коалиции, включая те социальные группы, которые не заинтересованы в экономической эффективности системы правосудия. Вопросы неравенства, человеческого достоинства, справедливости и пропорциональности санкций имеют моральное измерение, которое не может быть редуцировано к техническим или экономическим соображениям. Данное наблюдение находит подтверждение в современных политических процессах, где реформы уголовной юстиции все чаще обосновываются моральными аргументами в дополнение к прагматическим, что создает условия для более устойчивой политической поддержки преобразований [Muller, Roehrkasse, 2022].

Проблематика неравенства как структурный компонент политической среды

Особое место в критическом анализе занимает проблематика неравенства, которая рассматривается не как дополнительный эффект, но как конститутивный элемент системы массовой изоляции. Документирование непропорционального воздействия данного процесса на определенные социальные группы и сообщества составляет важное направление анализа, предлагающее конкретные меры по редукции диспропорций в системе правосудия. Данный аспект анализа приобретает особую актуальность в свете современных общественных дискуссий о структурных формах неравенства в институциональных системах.

Проблематика неравенства в контексте массовой изоляции не может быть понята без анализа тех политических решений, которые создали данные диспропорции. Различные политические меры, включая «войну с наркотиками», дифференцированные подходы к санкционированию различных форм девиантности, практики профилактического пресечения и иные политические инструменты, имели выраженное измерение социального неравенства, даже если они формулировались в нейтральных терминах общественной безопасности. Данные политики не были случайными или техническими решениями; они отражали и укрепляли определенные репрезентации того, кто представляет угрозу общественному порядку, и какие сообщества заслуживают защиты со стороны государства.

Более того, утверждается, что диспропорции не могут быть скорректированы посредством простых технических корректировок, таких как изменение руководств по назначению санкций или программы альтернативного судопроизводства. Необходима более фундаментальная трансформация политической среды, которая включала бы пересмотр общепринятых нарративов о девиантности и санкционировании. Данное требование предполагает, в частности, признание того, что массовая изоляция является не просто результатом индивидуальных девиантных действий, но социально сконструированным феноменом, где социальное положение систематически коррелирует с вероятностью столкновения с системой уголовной юстиции. Расширение избирательных прав, доступ к жилью и образованию, а также элиминация стигматизации и социальной эксклюзии составляют комплекс мер, выходящих за рамки собственно уголовно-правовой реформы.

Важный теоретический вклад в понимание политической природы массовой изоляции

связан с концепцией последствий изоляции, которые остаются за рамками судебного рассмотрения и публичного обсуждения. Под данным термином понимается совокупность вторичных эффектов: ограничения избирательных прав, дискриминация при доступе к жилью и образованию, стигматизация и социальная эксклюзия, запреты на занятие определенными профессиями. Данные латентные последствия создают систему социального контроля, которая функционирует вне правового поля и не подлежит обычным ограничениям, применяемым к официальным санкциям.

Значимость данной концепции для политического анализа заключается в том, что латентные последствия распространяются во времени далеко за пределы срока изоляции и затрагивают не только индивидов, подвергшихся санкциям, но и их семьи и сообщества. Данная система создает устойчивые социальные иерархии и репродуцирует неравенство через механизмы, которые остаются политически неразвитыми, поскольку они не фигурируют в законодательных дебатах о девиантности и санкционировании. Таким образом, массовая изоляция порождает феномен, который продолжает действовать после формального завершения срока и создает устойчивые социальные последствия для поколений и сообществ.

Политический аспект последствий проявляется также в том, что они формируют категорию индивидов, систематически исключенных из политического процесса. Лишение избирательных прав, которым затронуты значительные группы населения, имеет долгосрочные последствия для представительства интересов данных групп в политической системе.

Анализ стратегий реформирования включает важный компонент, связанный с построением коалиций и использованием политических возможностей. Существует множество технически обоснованных идей для более сбалансированного подхода к общественной безопасности, однако главная проблема заключается в отсутствии политической стратегии для их реализации. Технические решения, какими бы совершенными они ни были, остаются нереализованными без адекватной политической поддержки и институциональных механизмов их внедрения.

В данном контексте особое внимание уделяется концепции, подчеркивающей необходимость создания альянсов между различными социальными группами и политическими силами. Реформы уголовной юстиции имеют потенциал для привлечения поддержки с различных политических позиций: экономические аргументы могут резонировать с фискальными консерваторами, моральные аргументы о несправедливости с религиозными группами, аргументы о государственном контроле с либертарианцами. Однако реализация данного потенциала требует стратегической работы по формированию политического дискурса, которая выходит за рамки простого предложения альтернативных политик и предполагает активное конструирование новых смыслов и нарративов.

Особое значение придается моральным аргументам как основе для построения широких коалиций. В отличие от экономической аргументации, которая может быть подвержена изменениям в зависимости от бюджетной конъюнктуры, моральные аргументы имеют потенциал для создания более устойчивой политической поддержки. Исторические прецеденты демонстрируют, что моральная аргументация играла ключевую роль в мобилизации общественного мнения и создании политического давления для институциональных изменений. Однако стратегии коалиции сталкиваются с существенными препятствиями в условиях современной политической поляризации. Политический климат стал менее благоприятным для межпартийных соглашений, и это создает дополнительные трудности для реформирования уголовной юстиции. Тем не менее, такие соглашения возможны, о чем свидетельствуют

примеры успешных реформ на региональном уровне, где были созданы рабочие коалиции, объединяющие различные политические силы. Данные примеры демонстрируют, что даже в условиях поляризации существует пространство для стратегического взаимодействия, если реформы правильно сформулированы и представлены в публичном дискурсе.

Обращаясь к современному состоянию дискуссии о реформе уголовной юстиции, можно констатировать, что многие предостережения находят эмпирическое подтверждение. Последний период характеризовался значительной реформаторской активностью, включая принятие федеральных законодательных актов, реформы на региональном уровне и инициативы по сокращению институционализированного населения в ответ на экстраординарные обстоятельства. Однако данные изменения, при всей их значимости, не привели к фундаментальной трансформации системы, и массовая изоляция остается устойчивым феноменом, несмотря на некоторую редукцию общей численности тюремного населения.

Особого внимания заслуживает анализ политической риторики в современный период, когда политические кампании характеризовались возвращением к жесткой риторике в отношении преступности, включая призывы к расширению применения суровых санкций и критику реформаторских усилий как угрожающих общественной безопасности. Данное развитие событий демонстрирует уязвимость инкрементальных реформ перед изменениями в политическом климате. То, что было достигнуто через постепенные изменения в более благоприятный период, оказалось под угрозой при смене политической конъюнктуры, что подтверждает тезис о необходимости более фундаментальных преобразований политической среды.

Однако современный период характеризуется также и новыми возможностями, которые не были в полной мере учтены в более ранних анализах. Экстраординарные обстоятельства создали беспрецедентные условия для сокращения тюремного населения, поскольку учреждения изоляции оказались очагами распространения пандемии. Это привело к экстренным мерам по досрочному освобождению и альтернативным формам надзора, которые в некоторых случаях сохранились и после завершения острой фазы. Кроме того, общественные движения и более широкий социальный диалог о справедливости создали политический контекст, в котором вопросы диспропорций в системе правосудия получили беспрецедентное внимание. Данные события формируют как новые возможности, так и новые вызовы для реформаторских усилий.

Заключение

Теоретическое наследие сохраняет свою актуальность как сбалансированный критический анализ пределов инкрементальных реформ в условиях устойчивого политического климата, благоприятствующего репрессивной политике. Главный вклад заключается в постановке вопроса о том, что политическая среда не является внешним фоном, но представляет собой ключевой объект преобразований, без трансформации которого любые реформы будут обречены на ограниченный успех. Данная постановка вопроса смещает фокус анализа с отдельных политических решений на структурные условия их принятия и реализации.

В современном контексте, характеризующемся эскалацией политической поляризации, усилением риторики «жесткой» политики в некоторых сегментах политического спектра и одновременно беспрецедентным общественным вниманием к вопросам справедливости, данный анализ приобретает новое измерение. Он предлагает исследователям и практикам не

ограничиваться рассмотрением отдельных политических решений, а исследовать структурные факторы, которые детерминируют саму возможность принятия определенных решений. Особенно значимым представляется указание на необходимость моральной аргументации как основы для трансформации политического дискурса. В условиях, когда экономическая аргументация может быть подвержена изменениям, а прагматические соображения могут не учитываться из-за политических интересов, моральные аргументы о справедливости, человеческом достоинстве и равенстве создают более устойчивую основу для долгосрочных преобразований. Данное наблюдение согласуется с современными тенденциями в общественном дискурсе, где вопросы этики и справедливости занимают все более центральное место, что создает благоприятные условия для пересмотра оснований пенитенциарной политики.

Библиография

1. Елагина, А. С. Системный кризис пенитенциарной системы США: поиск путей преодоления / А. С. Елагина, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 9-1. – С. 321-327. – DOI 10.34670/AR.2025.77.66.002.
2. Елагина, А. С. Взаимосвязь между конъюнктурой рынков и системой пенитенциарного труда / А. С. Елагина, Д. Н. Слабая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 10-1. – С. 424-430. – DOI 10.34670/AR.2025.32.53.044.
3. Новиков, А. В. Правовое регулирования доступа осужденных к высшему образованию в контексте эволюции пенитенциарной системы США / А. В. Новиков, В. В. Галушкин // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 2-1. – С. 584-593.
4. Новиков, А. В. Дифференциация общественного дискурса и политических решений в области пенитенциарной системы США / А. В. Новиков // Теории и проблемы политических исследований. – 2026. – Т. 15, № 3-1. – С. 35-43. – DOI 10.34670/AR.2026.92.75.008.
5. Сасов, А. В. Пенитенциарная система США и ее реформирование в рамках Федеральной уголовно-правовой политики / А. В. Сасов, К. Э. Богославская // Сборник научных работ серии "Право". – 2021. – № 3(23). – С. 141-153. – DOI 10.5281/zenodo.5746573.
6. Собенин, А. А. Комплексные информационные системы уголовной юстиции США / А. А. Собенин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10(74). – С. 158-166. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.74.10.158-166.
7. Токторов, А. Э. Особенности системы уголовной юстиции США на современном этапе / А. Э. Токторов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2018. – № 10. – С. 98-101.
8. Beckett K., Beach L. The place of punishment in twenty-first-century America: Understanding the persistence of mass incarceration // Law & Social Inquiry. – 2021. – Т. 46. – №. 1. – С. 1-31.
9. Brown E. K. Toward refining the criminology of mass incarceration: Group-based trajectories of US states, 1977–2010 // Criminal Justice Review. – 2020. – Т. 45. – №. 1. – С. 45-63.
10. Campbell M. C., Vogel M. The demographic divide: Population dynamics, race and the rise of mass incarceration in the United States // Punishment & Society. – 2019. – Т. 21. – №. 1. – С. 47-69.
11. Muller C., Roehrkasse A. F. Racial and class inequality in US incarceration in the early twenty-first century // Social Forces. – 2022. – Т. 101. – №. 2. – С. 803-828.
12. Ouellette H. M., Applegate B. K. Local incarceration as social control: A national analysis of social, economic, and political determinants of jail use in the United States // American Journal of Criminal Justice. – 2023. – Т. 48. – №. 3. – С. 547-571.
13. Remster B., Kramer R. Democracy for whom? How criminal punishment marginalizes the political voices of Black and Brown Americans // Sociology Compass. – 2023. – Т. 17. – №. 2. – С. e13053.
14. Roehrkasse A. F., Wildeman C. Lifetime risk of imprisonment in the United States remains high and starkly unequal // Science Advances. – 2022. – Т. 8. – №. 48. – С. eabo3395.
15. Thorpe R. U. Perverse politics: The persistence of mass imprisonment in the twenty-first century // Perspectives on Politics. – 2015. – Т. 13. – №. 3. – С. 618-637.

Reforming Criminal Justice in the USA: Penal Policy as an Object of Systemic Transformation

Aleksey V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article provides a systematic analysis of the structural constraints on reforming the US criminal justice system in the context of the law enforcement practice of increasing the special contingent (convicts). The thesis is substantiated that the penal policy of the United States over the past four decades has been functioning within a paradigm determined predominantly by repressive attitudes. This paradigm was formed under the influence of a complex of factors, including the political conjuncture, media coverage of crime problems, as well as the structural features of the state system, in which a significant part of the powers in the field of the execution of sentences is delegated to the level of individual states. Such decentralization creates a multiplicity of legal regimes and significantly complicates the development of a unified reform strategy. The position proposed in modern scientific discourse is analyzed, according to which the phenomenon of expansionist (aggressive) penitentiary policy cannot be objectively assessed as a set of disparate local decisions, but nevertheless represents a systemic phenomenon in the political context. The main concept of the work lies in the assertion that without a fundamental transformation of the political environment in which decisions on sanctioning and public safety are made, the scale of reformatory transformations will be fundamentally limited, even if individual initiatives appear progressive or demonstrate local successes.

For citation

Novikov A.V. (2026) Reformirovanie ugovnoy yustitsii v SShA: ugovno-ispolnitel'naya politika, kak ob"ekt sistemnoy transformatsii [Reforming Criminal Justice in the USA: Penal Policy as an Object of Systemic Transformation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 47-56. DOI: 10.34670/AR.2026.66.23.006

Keywords

Penitentiary system, political environment, criminal justice reform, political discourse, structural inequality, latent consequences, moral argumentation, expansion of criminal law response, special contingent, convicts.

References

1. Elagina, A. S. Sistemnyj krizis penitencijnoj sistemy SShA: poisk putej preodoleniya / A. S. Elagina, A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – T. 15, № 9-1. – S. 321-327. – DOI 10.34670/AR.2025.77.66.002.
2. Elagina, A. S. Vzaimosvyaz' mezhdru kon'yunkturoj rynkov i sistemoj penitencijnoj sistemy SShA / A. S. Elagina, D. N. Slabkaya // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 10-1. – S. 424-430. – DOI 10.34670/AR.2025.32.53.044.
3. Novikov, A. V. Pravovoe regulirovaniya dostupa osuzhdennyh k vysshemu obrazovaniyu v kontekste evolyucii penitencijnoj sistemy SShA / A. V. Novikov, V. V. Galushkin // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – T. 15, № 2-1. – S. 584-593.
4. Novikov, A. V. Differenciaciya obshchestvennogo diskursa i politicheskikh reshenij v oblasti penitencijnoj sistemy SShA / A. V. Novikov // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. – 2026. – T. 15, № 3-1. – S. 35-43. – DOI 10.34670/AR.2026.92.75.008.
5. Sasov, A. V. Penitencijnaya sistema SShA i ee reformirovanie v ramkah Federal'noj ugolovno-pravovoj politiki / A. V. Sasov, K. E. Bogoslavskaya // Sbornik nauchnyh rabot serii "Pravo". – 2021. – № 3(23). – S. 141-153. – DOI 10.5281/zenodo.5746573.
6. Sobenin, A. A. Kompleksnye informacionnye sistemy ugolovnoj yusticii SShA / A. A. Sobenin // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 10(74). – S. 158-166. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.74.10.158-166.
7. Toktorov, A. E. Osobennosti sistemy ugolovnoj yusticii SShA na sovremennom etape / A. E. Toktorov // Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana. – 2018. – № 10. – S. 98-101.
8. Beckett K., Beach L. The place of punishment in twenty-first-century America: Understanding the persistence of mass incarceration // Law & Social Inquiry. – 2021. – T. 46. – №. 1. – S. 1-31.
9. Brown E. K. Toward refining the criminology of mass incarceration: Group-based trajectories of US states, 1977–2010 // Criminal Justice Review. – 2020. – T. 45. – №. 1. – S. 45-63.
10. Campbell M. C., Vogel M. The demographic divide: Population dynamics, race and the rise of mass incarceration in the United States // Punishment & Society. – 2019. – T. 21. – №. 1. – S. 47-69.
11. Muller C., Roehrkasse A. F. Racial and class inequality in US incarceration in the early twenty-first century // Social Forces. – 2022. – T. 101. – №. 2. – S. 803-828.
12. Ouellette H. M., Applegate B. K. Local incarceration as social control: A national analysis of social, economic, and political determinants of jail use in the United States // American Journal of Criminal Justice. – 2023. – T. 48. – №. 3. – S. 547-571.
13. Remster B., Kramer R. Democracy for whom? How criminal punishment marginalizes the political voices of Black and Brown Americans // Sociology Compass. – 2023. – T. 17. – №. 2. – S. e13053.
14. Roehrkasse A. F., Wildeman C. Lifetime risk of imprisonment in the United States remains high and starkly unequal // Science Advances. – 2022. – T. 8. – №. 48. – S. eabo3395.
15. Thorpe R. U. Perverse politics: The persistence of mass imprisonment in the twenty-first century // Perspectives on Politics. – 2015. – T. 13. – №. 3. – S. 618-637.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.93.24.007

Роль традиционной культуры и современных креативных индустрий в формировании международного имиджа Японии

Карасева Марина Михайловна

Магистр,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76;
e-mail: beilok@mail.ru

Аннотация

Международный имидж Японии опирается на два разнородных ресурса, а именно на институционально признанную традиционную культуру и на экспортно ориентированные креативные индустрии. Каждая составляющая описывается собственной единицей измерения, и признак, позволяющий сопоставить их вклад, до сих пор не выделен. Материалом послужили обновлённая стратегия Cool Japan (Кабинет министров Японии, 2024 г.), перечень японских элементов Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО за 2008–2024 гг., статистика Японской национальной туристической организации, обследование Японского фонда 2024 г., индекс Anholt-Ipsos Nation Brands Index 2023 г. и опросы общественного мнения МИД Японии 2024/25 фин. г.; применены вторичный анализ официальных данных и документальный анализ стратегических положений, а единицей анализа выступил отдельный опубликованный показатель, отнесённый к одному из двух каналов. Признание традиционной культуры выражено дискретными институциональными событиями без стоимостной величины, а результат креативных индустрий измеряется потоком зарубежных продаж: 4,7 трлн иен в 2022 г. при плановом ориентире 20 трлн иен к 2033 г.; сопряжённые показатели охвата достигли 4 000 750 изучающих японский язык в 143 странах и регионах и 36,87 млн иностранных посетителей за 2024 г., а сводные оценки восприятия страны расположились в диапазоне от 74 до 97 % по группам обследованных стран. Различие единиц измерения показывает, что две составляющие не замещают друг друга: традиционная культура подтверждает подлинность и удерживает содержание образа, современные креативные индустрии обеспечивают охват аудитории, а сопоставимым признаком служит конверсия культурного признания в наблюдаемое действие – изучение языка, поездку или покупку.

Для цитирования в научных исследованиях

Карасева М.М. Роль традиционной культуры и современных креативных индустрий в формировании международного имиджа Японии // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 57-63. DOI: 10.34670/AR.2026.93.24.007

Ключевые слова

Международный имидж, традиционная культура, креативные индустрии, культурная дипломатия, нематериальное культурное наследие, экспорт контента, Япония.

Введение

Внешнее представление о Японии складывается из двух ресурсов разного происхождения. Первым выступает традиционная культура, статус которой закреплён международными и национальными институтами. Театральные формы но, кабуки и бунраку внесены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества в 2008 г., кулинарная традиция васёку в 2013 г., ремесло васи в 2014 г., праздничные шествия яма, хоко, ятай в 2016 г., ритуальные посещения райхо:син в 2018 г., танцы фурю-одори в 2022 г., традиционное производство сакэ в 2024 г. Второй ресурс образуют креативные индустрии, результат которых выражается объёмом зарубежных продаж и планируется правительством в стоимостных единицах. Обновлённая стратегия Cool Japan, принятая Кабинетом министров Японии в июне 2024 г., сводит оба ресурса в один плановый контур и соединяет экспорт контента, въездной туризм, продовольствие и косметику общей целевой величиной.

Совмещение в документе не означает сопоставимости в измерении. Исследования последних лет описывают отдельные звенья этой связки. Анимационная отрасль рассмотрена на пересечении культурной формы и производственной технологии [Тимонина, Аримо, 2023], приоритет креативных отраслей в экономической политике раскрыт на материале государственных программ [Паксютов, 2020], экономические эффекты представления страны через кулинарную традицию оценены применительно к продовольственному экспорту [Тимонина, 2021; Малов, Чугров, 2024], институциональные каналы культурного взаимодействия с государствами Юго-Восточной Азии описаны по документам региональных программ [Изотова, Голландский, 2025], различия японской и китайской моделей культурного присутствия показаны для цифровой среды и для африканских стран [Паксютов, 2024; Zelenev, Korobochkina, 2026]. Общего признака, по которому вклад традиционной культуры и вклад креативных индустрий можно сравнивать, эти работы не предлагают, поскольку первый ресурс фиксируется фактом признания, а второй денежной величиной. Открытым остаётся вопрос о том, какими наблюдаемыми показателями описан каждый из двух каналов формирования международного имиджа Японии в 2013–2025 гг. и по какому признаку эти показатели соотносятся между собой.

Материалы и методы исследования

Материал исследования составили опубликованные официальные источники трёх групп. В первую вошли документы государственной политики, прежде всего обновлённая стратегия Cool Japan (Кабинет министров Японии, июнь 2024 г.) с плановыми величинами по экспорту контента, въездному туризму и продовольствию. Вторую группу образовал перечень японских элементов Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО за 2008–2024 гг. с датами включения по данным МИД Японии. Третью группу составили статистические ряды и обследования, а именно сведения Японской национальной туристической организации о числе иностранных посетителей, обследование преподавания японского языка за рубежом, проведённое Японским фондом в 2024 г., индекс Anholt-Ipsos Nation Brands Index за 2023 г. и опросы общественного мнения, выполненные по заказу МИД Японии в 2024/25 фин. г. в США, пяти европейских, четырёх центральноазиатских и семи ближневосточных государствах.

Единицей анализа служит отдельный опубликованный показатель или документальное положение, отнесённое к институциональному признанию традиционной культуры либо к

экспортной деятельности креативных индустрий. Отбор вёлся по трём условиям. Сведения имеют ведомственное или международное происхождение, содержат указанный период наблюдения и допускают отнесение к конкретному каналу. Применены вторичный анализ официальных данных и документальный анализ стратегических положений, а сопоставление каналов проведено по форме признания, единице измерения и адресату воздействия. Величины приводятся в единицах и за периоды, указанные ведомствами; пересчёт валютных сумм и агрегирование разнородных рядов не выполнялись.

Результаты и обсуждение

Канал традиционной культуры описывается дискретной последовательностью институциональных решений. За семнадцать лет в Репрезентативный список включены исполнительские, ремесленные, обрядовые и производственные традиции, причём интервалы между решениями составляют от одного года до четырёх лет, а сама запись не имеет ни стоимостного выражения, ни показателя охвата аудитории. Значение таких решений раскрывается через смежные величины. После включения васёку продовольственный экспорт достиг 1,5 трлн иен в 2023 г., наибольшего зафиксированного значения, а еда названа в стратегии Cool Japan главной мотивацией поездки в страну. Обобщение исследований кулинарного наследия в Азии показывает, что включение традиции в международные перечни на глобальном уровне работает как инструмент странового брендинга, а региональные списки решают иные задачи [Assmann, 2024]. Для Японии этот механизм описан предметно. Васёку выполняет роль институциональной защиты пищевой культуры и одновременно ресурса внешнего представления [Малов, Чугров, 2024], а сопряжённые с ним поставки продовольствия и рестораны за рубежом образуют измеримый экономический контур [Тимонина, 2021].

Включение традиционного производства сакэ в 2024 г. связывает признание с торговым режимом. Соглашение об экономическом партнёрстве между Японией и Европейским союзом обеспечило защиту географического указания, а государственное продвижение напитка соединило культурное наследие с экспортными задачами [Тимонина, 2021]. Здесь видна особенность канала. Признание не создаёт потока само по себе, но придаёт продукту проверяемый признак подлинности, на который опирается последующая коммерческая работа.

Канал креативных индустрий описан плановыми и отчётными величинами. Зарубежные продажи отрасли контента составили 4,7 трлн иен в 2022 г., увеличившись более чем втрое за десять лет; целевой ориентир установлен на уровне 20 трлн иен к 2033 г., а совокупная величина по контенту, туризму, продовольствию и косметике доведена в плане до 50 трлн иен. Наряду со стоимостными целями документ содержит ориентир повышения благожелательного отношения к стране на 10 %, то есть прямо связывает вывоз продукции с восприятием. Исследовательская литература уточняет условия достижимости этих величин. Анимация рассматривается как культурная форма, ставшая самостоятельным узнаваемым явлением [Тимонина, Аримо, 2023]; развитие креативных отраслей отнесено к приоритетам государственной политики [Паксютов, 2020]; производители цифрового контента длительное время опирались на внутренний рынок и уступали в международном присутствии соседним отраслям [Holroyd, 2019]. Цифровые креативные отрасли определяются также как канал распространения национальных культурных нарративов [Ronalds, 2019], что делает стоимостной показатель одновременно индикатором коммуникационного охвата.

Между двумя каналами располагаются показатели, фиксирующие не восприятие, а действие аудитории. По обследованию Японского фонда 2024 г., японский язык изучали 4 000 750

человек в 143 странах и регионах, число учреждений составило 19 344, преподавателей 80 898. Прирост числа изучающих к обследованию 2021 г. равен 5,4 %, около 80 % учащихся приходится на Азию. Въездной туризм после восстановления достиг 25 млн человек в 2023 г. при расходах иностранных путешественников 5,3 трлн иен, а в 2024 г. число посетителей выросло до 36,87 млн человек. Оба ряда измеряют поступки, выбор учебного курса и поездку, и этим отличаются как от факта включения в список, так и от объёма продаж.

Сводные оценки восприятия дают третью группу величин. В индексе Anholt-Ipsos Nation Brands Index за 2023 г. Япония заняла первое место среди 60 государств при опросе более 60 тыс. респондентов в 20 странах, причём наивысшую позицию страна получила по субиндексу экспорта, объединяющему оценки технологического вклада, креативности и привлекательности продукции. Опросы МИД Японии 2024/25 фин. г. дают распределение по регионам. Среди лидеров общественного мнения в США надёжным партнёром страну назвали 97 % опрошенных, дружественными отношения 96 %. В пяти европейских государствах соответствующие доли составили 74 и 71 %, в четырёх государствах Центральной Азии 86 и 88 %, в семи государствах Ближнего Востока 75 и 78 %. Разброс от 74 до 97 % показывает, что итоговая благожелательность распределена неравномерно и не выводится непосредственно из объёма зарубежных продаж контента.

Сопоставление каналов по трём признакам обнаруживает устойчивую асимметрию. Формой признания в первом случае служит решение международного органа, во втором рыночная сделка; единицей измерения выступают факт и дата против денежной суммы; адресатом оказываются профессиональные и институциональные аудитории против массового потребителя. Вклад традиционной культуры поэтому нельзя проверять теми же показателями, какими проверяется вклад креативных индустрий, а совмещение обоих ресурсов в одном плановом документе создаёт видимость единой величины там, где измеряются разные явления. Дополнительное ограничение вносит характер связи между продвижением и восприятием. Приём сообщений в социальных сетях повышает оценку страны, тогда как собственное высказывание пользователя сопровождается настороженностью [Zhang, 2025]; возобновившийся интерес к японской городской популярной музыке возник вне плановых мероприятий и лишь совпал с задачами государственной программы [Wardhana, Hermawan, 2024]; официальная риторика продвижения расходится с восприятием отдельных сообществ внутри страны [Ronalds, 2019].

Признаком, допускающим сопоставление, служит конверсия, то есть перевод культурного признания в наблюдаемое действие. Число изучающих язык, число посетителей и объём продаж измеряют именно её, причём каждый показатель относится к своей стадии. Институциональное признание задаёт содержание образа, креативные индустрии обеспечивают охват, а действие аудитории замыкает цепочку.

Внешние сопоставления подтверждают устойчивость такой связки. Японская модель культурного и образовательного присутствия описана как избирательная и опирающаяся на подготовку кадров, в отличие от более централизованной китайской [Zelenev, Korobochkina, 2026]; культурное взаимодействие с государствами Юго-Восточной Азии организовано через постоянные институциональные механизмы [Изотова, Голландский, 2025]; туристический канал соединяет представление о технологическом развитии с представлением о культурной традиции [Casado Claro, Pastrana Huguet, Saavedra Serrano, 2023]. Пределы переноса очерчивает европейский материал, поскольку японская эстетика милого усваивается зарубежными рынками избирательно и закрепляется в отдельных товарных и медийных форматах [Pellitteri, 2018].

Заключение

Традиционная культура и современные креативные индустрии участвуют в формировании международного имиджа Японии по-разному, и это различие поддаётся проверке на официальных данных. Первый ресурс представлен последовательностью включений в Репрезентативный список ЮНЕСКО за 2008–2024 гг., то есть признанием без стоимостной величины и без показателя охвата. Второй выражен зарубежными продажами отрасли контента в 4,7 трлн иен за 2022 г. и плановым ориентиром 20 трлн иен к 2033 г. Разные единицы измерения означают разные функции. Институциональное признание удерживает содержание образа и подтверждает подлинность продукта, вывоз контента расширяет круг аудитории.

Совместный результат обоих ресурсов виден в звене, где аудитория совершает поступок. Здесь сопоставимы численность обучавшихся японскому языку, составившая 4 000 750 человек в 143 странах и регионах, и приём 36,87 млн зарубежных гостей за 2024 г. Сводные оценки восприятия остаются агрегированными. Первое место в сравнительном индексе национальных брендов за 2023 г. и доли от 74 до 97 % в региональных опросах МИД Японии фиксируют итог совмещения, но не позволяют разделить вклад каналов. Для такого разделения требуется показатель конверсии, соотносящий отдельное культурное событие или продукт с последующим действием аудитории. В отсутствие подобного показателя плановая величина в 50 трлн иен остаётся суммой разнородных потоков, а не мерой имиджевого результата.

Библиография

1. Тимонина И.Л., Аримо М.М.Э. Анимэ-индустрия: традиционная культура и новые бизнес-технологии // Ежегодник Японии. 2023. Т. 52. С. 65-83. DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-65-83
2. Паксютов Г.Д. Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 4. С. 15-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-15-21
3. Тимонина И.Л. Гастродипломатия Японии: экономические эффекты // Японские исследования. 2021. № 2. С. 6-25. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25
4. Малов А.В., Чугров С.В. Гастрономия vs гастро-аномия? Пищевой ландшафт Японии // Японские исследования. 2024. № 2. С. 50-64. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-50-64
5. Изотова Н.Н., Голландский А.Д. Приоритетные направления культурного взаимодействия Японии и АСЕАН // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8. С. 198-204. DOI: 10.24158/fik.2025.8.27
6. Паксютов Г.Д. Культурная «мягкая сила» Китая и Японии: конкуренция и взаимодействие в цифровую эпоху // Наука телевидения. 2024. Т. 20. № 3. С. 181-213. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.3-181-213
7. Zelenev E.I., Korobochkina A.V. Japan's Soft Power Policy in Africa: A Comparative Analysis with China // Russian Japanology Review. 2026. Vol. 9. No. 1. Pp. 71-100. DOI: 10.55105/2658-6444-2026-1-71-100
8. Rafiqi F., Maksim A. Sake as Cultural Diplomacy: A Soft Power Approach to Japan's Nation Branding in Europe // Russian Japanology Review. 2025. Vol. 8. No. 2. Pp. 72-94. DOI: 10.55105/2658-6444-2025-2-72-94
9. Casado Claro M.F., Pastrana Huguet J., Saavedra Serrano M.C. Tourism as a Soft Power Tool. The Role of Public Diplomacy in Japan's Country and Destination Branding // Journal of Tourism, Sustainability and Well-being. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 66-80. DOI: 10.34623/snwy-ec89
10. Holroyd C. Digital content promotion in Japan and South Korea: Government strategies for an emerging economic sector // Asia & the Pacific Policy Studies. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 290-307. DOI: 10.1002/app5.277
11. Pellitteri M. Kawaii Aesthetics from Japan to Europe: Theory of the Japanese "Cute" and Transcultural Adoption of Its Styles in Italian and French Comics Production and Commodified Culture Goods // Arts. 2018. Vol. 7. No. 3. DOI: 10.3390/arts7030024
12. Wardhana F.A., Hermawan D. Japan City Pop Music Trend Contribution to Cool Japan Soft Power Diplomacy Program in the 2020s // Izumi. 2024. Vol. 13. No. 1. Pp. 1-13. DOI: 10.14710/izumi.13.1.1-13
13. Ronalds P. The Ruptures of Rhetoric: Cool Japan, Tokyo 2020 and Post-3.11 Tohoku // New Voices in Japanese Studies. 2019. Vol. 11. Pp. 26-46. DOI: 10.21159/nvjs.11.02
14. Zhang T. Scrolling, sharing, shaping: cognitive and behavioral effects of SNS communication on Japan's national image in China // Humanities & Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. No. 1. Pp. 1-11. DOI: 10.1057/s41599-025-04377-y

15. Assmann S. Culinary heritage in Asia: National and regional identities – Reflections from the field // Routledge Open Research. 2024. Vol. 3. DOI: 10.12688/routledgeopenres.18143.1

The Role of Traditional Culture and Modern Creative Industries in the Formation of Japan's International Image

Marina M. Karaseva

Master's Degree Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: beilok@mail.ru

Abstract

Japan's international image is based on two heterogeneous resources, namely institutionally recognized traditional culture and export-oriented creative industries. Each component is described by its own unit of measurement, and the attribute allowing their contributions to be compared has not been identified so far. The material included the updated Cool Japan strategy (Cabinet of Ministers of Japan, 2024), the list of Japanese elements of the UNESCO Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity for 2008–2024, statistics from the Japan National Tourism Organization, the Japan Foundation survey of 2024, the Anholt-Ipsos Nation Brands Index of 2023, and public opinion polls of the Ministry of Foreign Affairs of Japan for the 2024/25 fiscal year; secondary analysis of official data and documentary analysis of strategic provisions were applied, with a separate published indicator attributed to one of the two channels serving as the unit of analysis. The recognition of traditional culture is expressed through discrete institutional events without a monetary value, while the result of creative industries is measured by the flow of overseas sales: 4.7 trillion yen in 2022 with a planned target of 20 trillion yen by 2033; associated coverage indicators reached 4,000,750 Japanese language learners in 143 countries and regions and 36.87 million foreign visitors in 2024, while aggregate country perception ratings ranged from 74% to 97% across the surveyed country groups. The difference in units of measurement shows that the two components do not substitute for each other: traditional culture confirms authenticity and maintains the content of the image, modern creative industries ensure audience coverage, and the comparable attribute is the conversion of cultural recognition into observable action – language learning, travel, or purchase.

For citation

Karaseva M.M. (2026) Rol' traditsionnoy kul'tury i sovremennykh kreativnykh industriy v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Yaponii [The Role of Traditional Culture and Modern Creative Industries in the Formation of Japan's International Image]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 57-63. DOI: 10.34670/AR.2026.93.24.007

Keywords

International image, traditional culture, creative industries, cultural diplomacy, intangible cultural heritage, content export, Japan.

References

1. Timonina I.L., Arimo M.M.E. Anime Industry: Traditional Culture and New Business Technologies // *Yearbook Japan*. 2023. Vol. 52. Pp. 65-83. DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-65-83
2. Paksiutov G.D. Japan's Exports of Creative Goods: Current Challenges and State Policy // *The World of New Economy*. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 15-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-15-21
3. Timonina I.L. Japan's Gastrodiploamacy: Economic Effects // *Japanese Studies in Russia*. 2021. No. 2. Pp. 6-25. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25
4. Malov A.V., Chugrov S.V. Gastronomy vs Gastro-anomie? Japan's Foodscape // *Japanese Studies in Russia*. 2024. No. 2. Pp. 50-64. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-50-64
5. Izotova N.N., Gollandskiy A.D. Priority Directions of Cultural Interaction between Japan and ASEAN // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2025. No. 8. Pp. 198-204. DOI: 10.24158/fik.2025.8.27
6. Paksiutov G.D. Cultural Soft Power of China and Japan: Competition and Interaction in the Digital Era // *Science of Television*. 2024. Vol. 20. No. 3. Pp. 181-213. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.3-181-213
7. Zelenev E.I., Korobochkina A.V. Japan's Soft Power Policy in Africa: A Comparative Analysis with China // *Russian Japanology Review*. 2026. Vol. 9. No. 1. Pp. 71-100. DOI: 10.55105/2658-6444-2026-1-71-100
8. Rafiqi F., Maksum A. Sake as Cultural Diplomacy: A Soft Power Approach to Japan's Nation Branding in Europe // *Russian Japanology Review*. 2025. Vol. 8. No. 2. Pp. 72-94. DOI: 10.55105/2658-6444-2025-2-72-94
9. Casado Claro M.F., Pastrana Huguet J., Saavedra Serrano M.C. Tourism as a Soft Power Tool. The Role of Public Diplomacy in Japan's Country and Destination Branding // *Journal of Tourism, Sustainability and Well-being*. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 66-80. DOI: 10.34623/snwy-ec89
10. Holroyd C. Digital content promotion in Japan and South Korea: Government strategies for an emerging economic sector // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 290-307. DOI: 10.1002/app5.277
11. Pellitteri M. Kawaii Aesthetics from Japan to Europe: Theory of the Japanese "Cute" and Transcultural Adoption of Its Styles in Italian and French Comics Production and Commodified Culture Goods // *Arts*. 2018. Vol. 7. No. 3. DOI: 10.3390/arts7030024
12. Wardhana F.A., Hermawan D. Japan City Pop Music Trend Contribution to Cool Japan Soft Power Diplomacy Program in the 2020s // *Izumi*. 2024. Vol. 13. No. 1. Pp. 1-13. DOI: 10.14710/izumi.13.1.1-13
13. Ronalds P. The Ruptures of Rhetoric: Cool Japan, Tokyo 2020 and Post-3.11 Tohoku // *New Voices in Japanese Studies*. 2019. Vol. 11. Pp. 26-46. DOI: 10.21159/nvjs.11.02
14. Zhang T. Scrolling, sharing, shaping: cognitive and behavioral effects of SNS communication on Japan's national image in China // *Humanities & Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. No. 1. Pp. 1-11. DOI: 10.1057/s41599-025-04377-y
15. Assmann S. Culinary heritage in Asia: National and regional identities – Reflections from the field // *Routledge Open Research*. 2024. Vol. 3. DOI: 10.12688/routledgeopenres.18143.1

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

